

Hainish

Ursula Kroeber Le Guin

Ещё одна история, или
рыбак из Внутриморья

Урсула Кроубер Ле Гуин

Урсула Кроубер Ле Гуин

Ещё одна история, или рыбак из Внутриморья

Hainish

XX © *Ursula Kroeber Le Guin*

XX

© автор Урсула Кроубер Ле Гуин

31.03.2018

© оформление Alex-Rus

31.03.2018

© редактор Alex.Rus.UA

Haainish

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © XX BY URSULA KROEBER LE GUIN

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) в своей научно-фантастической притче из Хайнского цикла (Hainish) «Ещё одна история, или рыбак из Внутриморья» описывает парадокс, возникший на нетривиальном пересечении маленькой капли жизни в бурном потоке самой Вечности. Ужасающий во многих смыслах, реально грозящий безумием парадокс, намекающий, тем не менее, на Мультиверсум (гипотетическое множество вселенных). «При свете дня мысль, что ночью уберегла меня от отчаяния, показалась совершенно нелепой» — заметит главный персонаж, оказавшись на меже жизненного опустошения.

Произведение категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и уровней духовно-ментального развития, включая все виды (анти)гуманоидов, (квази)рептилоидов и конкретно (не)определившихся. Его можно достаточно успешно использовать в качестве вспомогательного средства в исправительно-воспитательных процедурах (пренепрременно в добровольно-принудительном порядке) для тяжело наркозависимых от сверхдоз по-RuSSia Today и «кисельно» одарённых проповедей в стиле истерично-суицидальных догматов секты «радиоактивного пепла»; равно как и ненавязчиво предлагать к ознакомлению всей патологически устойчивой массе боевых мутантов интернационально-великокацапской селекции «истинно руSSких» (с XX века известных под собирательным термином «*homo soveticus*»), включая параноидально-шизопатических «гейропофобов» и маниакально-великодуховных «гундяефилов». Не будет оно лишним и для бесноватой когорты идолопоклонников всяческих мнимо «вечно живых» или, к сожалению, пока ещё недостаточно физически больных тиранов (вроде плюгавого «ла-ла ла-ла»), а именно для великорабелепных верноподданных «руSSкага міра» и даже для отдельных (приучаемых к осмысленному чтению) фанатично-кровожадных апологетов «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними... А для всех прочих этот эпический шедевр, как минимум, напомним о настоящих ценностях, которые следует всеми силами беречь в процессе противостояния всему этому извечно лукавому великопаскудству — пожалуй, в этом и есть цель и смысл разумной жизни.

31.03.2018 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus¹

---

1 Редакция 31.03.2018 фантастического рассказа из Хайнского цикла (Hainish) «Ещё одна история, или рыбак из Внутриморья» (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin) на основе текстового файла от 05.04.2001 г. (OCR Татьяна Кондакова). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Ещё одна история, или рыбак из Внутриморья»

Стабиям Экумены на Хайне, а также досточтимой Гвонеш, директору Испытательной лаборатории чартен-поля в космопорту Ве², от Тьекунан 'на Хидео из Второго седорету поместья Удан, Дердан 'над, Окет, планета О

Не судите меня строго за рапорт, составленный в виде повести — с некоторых пор так оно мне привычнее. Вас, однако, может удивить также и то, с чего бы это простому фермеру с далёкой О взбрело в голову посылать вам доклад, точно он полномочный Мобиль Экумены. Мой рассказ прояснит это. Повествование — вот единственная наша ладья в потоке времён, но на его стремнине, порогах и водоворотах даже самое крепкое судно рискует порой стать утлым челном.

Итак — однажды, давным-давно, когда мне исполнился всего лишь двадцать один год, я покинул отчий дом и СКОКС³-звездолётом «Ступени Дарранды» отбыл на Хайн учиться в тамошней Экуменической школе.

Расстояние от моей родной планеты до Хайна — всего четыре световых года, и сообщение между нашими мирами существует уже двадцать веков. Даже до изобретения СКОКС-двигателей, когда корабли проводили в перелёте сотни лет планетарного времени (вместо нынешних четырёх), находились непоседы, готовые пожертвовать привычным образом жизни ради познания неведомых новых миров. Иногда они возвращались, но лишь очень немногие. Слыхивал я весьма печальные истории о появлении подобных странников в напрочь позабывших о них мирах. А одну очень древнюю повесть, предание о Рыбаке из Внутриморья, я слышал от собственной матери — она привезла её с собой с Терры, откуда родом. Жизнь ребенка на О вообще полна легенд и преданий, но из всех, что поведали мне в детстве мать, соматерь, оба моих отца, дедушки с бабушками, многочисленные тётки да учителя, эта была излюбленной. Возможно потому, что мать всегда рассказывала её с глубоким и искренним чувством, хотя просто и всегда слово в слово (а я был начеку и протестовал, если ей случалось хоть что-то сказать иначе).

2 В оригинале «Ве» всюду латиницей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 Скорости околосветовой. (примеч. пер.) — В этом примечании было «околосвстовой» (очевидно, подобные «описки» вызваны плохо скорректированным OCR — см. 1). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Предание повествует о бедном рыбаке Юрасиме, который изо дня в день выходил в одиночку на своём утлом баркасе в безмолвное синее море, раскинувшееся между его родным островком и Большой Землёй. Рыбак был молод и красив, по его плечам струились длинные чёрные косы, и дочь морского царя, увидев его однажды в солнечном ореоле, когда он склонился над бортом, не сумела отвести глаз.

Всплыв на гребень волны, морская царевна предложила юноше следовать за нею в её подводные чертоги. Он сперва отказывался, ссылаясь на то, что дома его ждут голодные ребятишки. Но как мог бедный рыбак противиться воле дочери морского владыки, как мог устоять он перед ослепительной её красотой? *«На одну ночь»*, — сдался юноша. И царевна повлекла его в свой удивительный чертог, где провела с ним ночь любви в окружении прислужников — невиданных морских тварей. Юрасима так крепко полюбил царевну, что, возможно, провёл на дне не одну только ночь, как собирался вначале. Но в конце концов он всё же собрался с духом и вымолвил: *«Дорогая, я должен вернуться домой. Меня заждались мои дети»* — *«Если уйдёшь, ты уйдёшь навсегда»*, — загрустила царевна. *«Я непременно вернусь к тебе»*, — обещал юноша. Царевна потупила очи. Горе её было безмерно, но противиться она не стала. *«Возьми с собою вот это»*, — молвила она, подавая возлюбленному прелестную крохотную шкатулку, запечатанную сургучной печатью. — *И не открывай её, возлюбленный мой Юрасима»*.

Тогда он выбрался на берег и поспешил к родной деревушке, к отчему дому. Но сад вокруг знакомых построек одичал и порос лопухом, а в самом доме, зиявшем пустыми глазницами окон, провалилась крыша. По деревне бродили какие-то люди, но Юрасима не встречал знакомых лиц. *«Где мои дети?»* — в ужасе возопил он. Проходящая мимо женщина замедлила шаг и обратилась к нему: *«В чём твоё горе, юный странник?»* — *«Я — Юрасима, я живу в этой деревне, но я не вижу ни одного знакомого лица»*. — *«Юрасима!»* — воскликнула женщина (тут моя мать устремляла взор куда-то в себя, а тон, которым она произносила имя героя, всегда вызывал во мне дрожь и слёзы на глазах) — *«Юрасима! Мой дед рассказывал мне о рыбаке Юрасиме, сгинувшем в морской пучине в незапамятные времена, ещё при жизни его собственного прапрапрадеда. Уже добрых сто лет никто из родичей погибшего не живёт здесь»*.

В слезах, горьких и безутешных, вернулся Юрасима к берегу моря. Там он распечатал шкатулку, подарок дочери морского царя. Белый дымок вырвался изнутри и развеялся по ветру. В тот же миг волосы Юрасимы сделались белыми, а сам он начал дряхлеть и обратился в старца, глубокого ветхого старца. В бессилии он пал на песок и тут же умер.

Помнится, однажды некий странствующий учитель расспрашивал мою мать об истоках этой «небылицы», как сам он называл предание о Юрасиме. Мать отвечала ему с вежливой улыбкой: *«В императорских хрониках, бережно сохраняемых на Терре моим народом, существует запись о том, что некий юноша по имени Юрасима, исчезнувший в 477 году, вернулся в родную деревню в 825-м и вскоре исчез снова. Слышала я также, что шкатулка Юрасимы сберегалась в храмовой раке в течение многих столетий»*. Затем их беседа свернула на другую, менее интересную тему.

Моя мать Исако не желала рассказывать мне легенду о Юрасиме так часто, как я того требовал. *«История эта такая печальная»*, — возражала она порой и рассказывала мне вместо неё предание о Праматери, или об укатившемся от старушки рисовом колобке, или о нарисованном коте, который ожил и разделался с демоническими крысами, или же об уплывшем вниз по реке очаровательном младенце в люльке. Моя сестра, кузены и свойственники, мои ровесники, а также родичи постарше — все слушали её рассказы затаив дыхание, как я. На О эти истории были внове, а всякая новая легенда — подлинное сокровище. История с нарисованным котом имела главный успех, особенно когда мать извлекала из сундука кисточку и пузырёк с удивительными угольными чернилами, давным-давно привезёнными ею с родной Терры, и иллюстрировала свой рассказ набросками животных — кота, крыс, — которых никто из нас никогда не видел; кот на её рисунках непередаваемо дыбил спину и отважно пучил глаза, крысы же подбирались к нему украдкой, злобно ощерив страшные ядовитые клыки — *«обоюдоострые»*, как называла их моя сестра. И всё равно после всех этих захватывающих повествований я упрямо ждал, когда мать поймает мой умоляющий взгляд, печально улыбнётся в сторонку и, вздохнув, начнёт: *«Давным-давно, в незапамятные времена, жил-был один бедный юноша. Жил он себе, поживал, в рыбацкой деревушке на берегу Внутриморья»* ...⁴

Разве я осознавал тогда, что означает эта легенда для неё самой? Что это история из её собственной жизни? Что если она соберётся однажды вернуться в прежний мир, к родным пенатам, то люди, которые были дороги ей, окажутся перешедшими в мир иной многие столетия тому назад?

Я, конечно, знал, что сама мать *«явилась из другого мира»*, но что значило это для пяти, семи или даже десятилетнею несмышлёныша — представить теперь непросто, а припомнить так и вовсе нет никакой возможности. Я знал, что мать терранка, из проживавших на Хайне —⁵ для меня то было предметом особой гордости. Я хвастал, что прибыла мать на О как полномочный Мобиль Экумены (моя безрассудная⁶ гордыня раздувалась буквально до вселенских масштабов), а *«на театральном фестивале в Судирани познакомилась с отцом, полюбив его с первого взгляда»*. Знал я также и то, что устройство женитьбы на О — занятие весьма мудрёное и хлопотное. Получить удовлетворительный ответ Экумены на прошение об отставке было делом наипростейшим — там никогда не возражали против натурализации своих Мобилей. Но как чужестранка Исако не относилась к кастам *ки'Оттов*, и это было только первое из затруднений. Я узнал все эти интригующие подробности — неиссякаемый источник внутрисемейных шуточек и сплетен — от своей соматери Тубду. *«Понимаешь, — рассказывала она мне, одиннадцати или двенадцатилетнему мальчугану, с сияющим лицом и едва сдерживаемым утробным смехом, сотрясавшим всё её массивное*

4 В оригинале без троеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

5 В оригинале открывающая скобка вместо тире; вообще в данном тексте много неуместных открывающих скобок вместо иных знаков (обычно троеточий — на них обычно и заменяю, причём без упоминания в отдельных сносках — см. 90 и 91). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 В оригинале великогомучее «безрассудочная». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

туловище, — она ведь не знала даже, что женщины женятся! Там, откуда она прилетела, женщинам, по её же словам, дозволяется разве что замуж выйти!»

Я пытался возражать ей: *«Так только в одной части Терры. Мама рассказывала, что есть множество других мест, где женщины преспокойно себе женятся»*. Я всегда стихийно вставал на защиту матери, хотя в словах Тубду не было ни намёка на её унижение — она боготворила Исако, она *«влюбилась в неё с первого же взгляда — о, эти алые губки, эти чёрные волосы!»* — и просто находила чертовски забавным, что женщина подобных достоинств собиралась ограничиться браком с единственным мужчиной.

«Понимаю-понимаю, — спешила утихомирить мою горячность Тубду. — Я знаю: на Терре всё по-иному, у них там проблемы с рождаемостью, им приходится заключать браки исключительно ради продолжения рода. Они, бедолаги, живут там куцыми парами. Ой, бедняжка Исако! Каким же странным должно было показаться ей всё здешнее! Припоминаю взгляд, которым встретила она меня впервые...» — И в отвислом животе Тубду снова начинало kloкотать то, за что мы, дети, прозвали её *Большой Щекоткой* — её нутряной тектонический смех.

Для тех, кто незнаком с нашими обычаями, следует пояснить, что на О — в мире с невысоким и стабильным уровнем населения и издревле неизменной технологией — необходимость определённых общественных мероприятий носит характер почти что повсеместный. Основой социального устройства здесь служат не столь города и страны, сколько рассеянные деревни или ассоциации фермерских хозяйств. Всё население состоит из двух половин или каст. Всякий новорождённый относится к материнской касте, а в целом все ки'Оты (за исключением горцев из Энника) делятся на *Утренних*, чьё время от полуночи до полудня, и на *Вечерних*, чьё время соответственно от полудня до полуночи. Священное происхождение и предназначение наших каст служит темой ежегодных Дискуссий и театральных фестивалей, а также составляет содержание проповедей в храме при каждом поместье. Изначальная их социальная функция заключалась предположительно в соблюдении экзогамии и предотвращении инбридинга на удалённых, изолированных от внешнего мира фермах — в силу того, что вступать в связь или брак на О допустимо только с представителем противоположной касты. Правила эти, подкреплённые весьма суровыми карами, соблюдаются почти что неукоснительно.⁷ Отступников, которые изредка, но всё же появляются, ожидает всеобщее презрение и категорический ostracism. Для индивидуума принадлежность к одной из двух каст не менее значима, чем собственно половые признаки, и играет решающую роль в его сексуальном выборе.

Брачный контракт ки'Отов, именуемый *седорету*, включает две пары — одну Утреннюю и одну Вечернюю; гетеросексуальные пары именуются *Утренними* или *Вечерними* в зависимости от кастовой принадлежности женщины, а гомосексуальные — женские *Дневными*, мужские *Ночными*.

7 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Столь негибкая структура семейного устройства, в которой каждый из четвёрки должен быть сексуально совместим со всеми остальными (а двое из них могут оказаться абсолютно ему незнакомыми), требует, естественно, некоторой предварительной подготовки. Составление новых седорету — излюбленное занятие моих соотечественников. Поощряется экспериментирование, новые четвёрки складываются и распадаются, парочки то и дело «пробуют» одна другую. Профессиональные маклеры, традиционно пожилые вдовцы, путешествуют по разбросанным поместьям, организуя свидания, устраивая деревенские танцы — универсальный предлог для знакомства каждого с каждым. Множество браков начинается с любви одной парочки, не суть важно, гетеросексуальная она или гомосексуальная, к которой позднее «подшивается» ещё одна или два отдельных кандидата. Множество иных седорету целиком, от начала и до конца, устраиваются деревенскими старейшинами. Послушать стариков, обсуждающих под большим деревом детали предстоящей свадьбы, — всё равно что наблюдать мастерскую игру в шахматы или тидхе. *«Если свести этого Утреннего мальчишку из Эрдапа с юным Тобо, к примеру, на мукомольне в Гад’де...»* — *«А разве Ходин’н из Утренних Ото — не программист? Программисту в Эрдапе уже нашлась бы работёнка...»* Приданным предполагаемого жениха или невесты может быть как фермерское владение, так и определённое мастерство, единственно с учётом каковых в состав седорету попадают порой не самые желанные персоны. С другой же стороны, фермерское хозяйство требует от новичков в первую очередь мозолистых рук. В общем, составлению браков на О нет начала и не будет конца. Я бы отметил ещё, что от удачно сложившегося седорету маклеры и их добровольные помощники получают, похоже, куда большее удовлетворение, чем сами молодожёны, виновники торжества.

Разумеется, есть множество людей, никогда не вступающих в брак. Учёные, странствующие проповедники, бродячие актёры и специалисты Центров крайне редко обрекают себя на гнетущую неизменность сельского седорету. Многие присоединяются к бракам своих братьев и сестёр в качестве дядюшек и тётушек с весьма ограниченной и чётко очерченной мерой ответственности; они вправе вступать в связь с любым из супругов, подходящим по касте — таким образом седорету разрастается порой с четырёх до семи-восьми участников. Дети от подобных связей называются *кузенами*. Дети одной матери считаются братьями и сёстрами; дети Утренних находятся в свойстве с детьми Вечерних. Братья, сёстры и первые, то есть двоюродные кузены не вправе вступать в браки между собой, свойственники же — вполне. В некоторых менее консервативных регионах О на браки свойственников тоже смотрят косо, но в моих краях они вполне уместны.

Мой отец был Утренний мужчина из поместья Удан в Дердан’наде — холмистой местности к северо-западу от реки Садуун на Ожете, самом маленьком из шести континентов О. Дердан’надская деревенская община объединяет семьдесят семь фермерских хозяйств, разбросанных по террасам крутых лесистых склонов долины Оро, притока полноводной Садуун. Дердан’над — плодородная и живописная местность с великолепным видом на Береговую гряду на западе и на широкое устье полноводной Садуун на юге. Говорливая Оро, пересекающая здесь холмы, богата рыбой и вечно

резвящимися в воде детишками. Я и сам провёл своё детство в основном на берегах реки и привык к её ни на минуту не смолкающему гаму. Дом наш стоит так близко к воде, что и спать приходится под неумолчный гул порогов и какофонию попавших в стремнину обломков скал. Оро неглубока, но коварна. Каждого из нас сызмала учили плавать в специально обустроенном тихом затоне, а позднее — управляться с долблёнкой на бешеных перекатах. Рыбная ловля входила в число наших детских обязанностей. Больше всего обожал я охоту с острогой на жирных пучеглазых голубых *очидов* — я часами мог героически выстаивать в засаде на скользком валуне посреди потока со смертоносным орудием в напряжённой руке. Это была моя стихия. Зато, пока я красовался там, моя свояченица⁸ *Исидри* голыми руками успевала выудить из глубины шесть или семь скользких рыбин. Она умела ловить руками даже угрей и стремительных юрков. Мне это никогда не удавалось. «*Ты просто отдаёшься течению и как бы сливаешься с рекой*», — объясняла Исидри. Она умела находиться под водой дольше любого из нас — так долго, что мы уже начинали тревожиться. «*Исидри — слишком скверная и непослушная девчонка, чтобы утонуть*», — сетовала её матушка Тубду. — *Такую разве утопишь? Ведь какашки не тонут*».

У Тубду, Утренней жены нашего седорету, было двое детей от Капа: Исидри, годом старше меня, и *Сууди*, на три года моложе. Дочки Утренних, они доводились мне свояченицами, как и их кузен Хад'д, сын Тубду от дядюшки Тобо, брата Капа. С Вечерней стороны нас детей было двое — я и моя младшая сестрёнка по имени *Конекко*.⁹ Это древнее Окетское имя имело значение также и на терранском языке матери — «*котёнок*», то есть детёныш того самого расчудесного животного со спиной полукругом и округлёнными глазами. На четыре года моложе меня, Конекко действительно вся была такой округлой и пушистенькой, точно малютка-зверёныш, но глаза были как у матери — удивительно раскосые, с удлинёнными к вискам веками, вроде нежных, готовых вот-вот раскрыться цветочных бутонов. Конекко повсюду таскалась за мной следом с жалобным воплем «*Део! Део! Постой!*», я же тем временем вовсю гонялся за бесстрашной и неуловимой Исидри с криком: «*Сиди! Сиди! Постой же!*»

Когда мы немного подросли, Исидри и я стали закадычными друзьями, а Сууди, Конекко и кузен Хад'д составили троицу, неизменно сопливую, перемазанную, покрытую струпьями и постоянно чинившую взрослым различные неприятности — то ворота оставят нараспашку, пустив скотину на поле, то стог разворошат, то зелёных фруктов наворуют, то поцапаются с детьми с фермы Дрехе. «*Вот же неслухи паршивые!* — качала головой Тубду. — *Никому из вас не суждено утонуть!*» И она содрогалась в пароксизмах своего беззвучного смеха.

Мой отец *Дохедри* был человек работающий, вполне симпатичный, но тихий и малообщительный. Мне думается, что упрямство, с которым он некогда добивался приёма чужестранки в замкнутый деревенский мирок, полный своих внутренних конфликтов, порой не вполне благовидных, добавило его и без того серьёзному характеру толику напряжённости.

8 В оригинале «сваяченица» с двумя «нн». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

9 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Случались браки с чужестранцами и у других ки'Оттов, но почти всегда «на чужеземный манер», páрами — такие молодожёны обычно селились в одном из Центров, среди обитателей которых в порядке вещей были самые неожиданные традиции, вплоть до (если верить деревенским сплетням, оглашаемым под Деревом собраний) кровосмесительных связей между двумя Утренними! Или двумя Вечерними! Помимо Центров выбор у подобных пар был невелик: перебраться жить на Хайн или вообще оборвать все нити с родным домом, сделавшись Мобилиями Экумены, обречёнными провести всю свою жизнь на борту СКОКС-кораблей в бесконечных скитаниях по неведомым мирам, — жизнь под девизом «вперёд!», но без воспоминаний о прошлом.

Ничто из перечисленного не подходило отцу, пустившему неразрывные корни в родной Уданский чернозём.¹⁰ Он привёз возлюбленную домой и уговорил Вечерних принять её в свою касту — событие столь редкостное, что Церемониймейстера для него пришлось выписывать из далёкого Норатана. Затем отец убедил Тубду вступить в седорету. Что до её Дневного брака, тут всё обошлось без проблем — стоило лишь ей увидеть мою мать; затруднения возникли с Утренним альянсом. Кап уже долгие годы был любовником отца и казался самым естественным кандидатом на место в седорету, но пришёлся не по душе Тубду. Прочные узы, связывавшие Капа с отцом, подвигли обоих на длительные обхаживания и умасливания, и Тубду в конце концов сдалась — при её добродушии трудно было противостоять желаниям сразу троих да плюс её собственному влечению к Исако. Полагаю, она всегда находила Капа занудой, зато его младший брат, дядюшка Тобо, оказался неожиданным подарком. Не говоря уже о чувствах Тубду к моей матери, которые отличались бесконечной нежностью и деликатностью, граничившими с мистическим благоговением. Однажды моя мать сама заговорила об этом.

— Тубду знала, как всё это было странно для меня, — призналась она мне. — По-моему, она чувствовала, что всё это странно и само по себе.

— Что именно? Наш мир? Наш образ жизни? — поинтересовался я.

Мать мягко покачала головой

— Не то чтобы *весь* образ жизни, — ответила она,¹¹ как всегда,¹² с лёгким акцентом. — Но вот эти браки, где мужчина с мужчиной, женщина с женщиной... вместе, любовь... До сих пор всё это представляется мне не вполне естественным. Никакое знание не может подготовить к *этому*. Нет в природе ничего подобного.

Пословица же «*Браки заключаются Днём*» гласит как раз о связях между женщинами. А вот как раз любовь между отцом и матерью, отличавшаяся подлинной страстностью, всегда была нелёгкой и балансировала на краю душевной мýки. Ничуть не сомневаюсь, что счастливым и лучезарным своим детством мы обязаны именно той непоколебимой радости и силе, которую Исако и Тубду черпали одна в другой.

10 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

11 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

12 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ну и, наконец: двенадцатилетняя Исидри рейсовой *фотоэлектричкой* отбывает на учёбу в *Херхот*, наш окружной Центр образования, а я, рыдая взахлёб, стою под утренним солнцем на пыльном перроне Дердан'надской станции. Моя подруга, мой закадычный напарник, сама моя жизнь — всё уходит прочь, всё рушится. Я остаюсь брошенный и одинокий. Увидев плачущим своего могучего одиннадцатилетнего брата, разрыдалась и Конеко, слёзы мелкими шариками скатывались по её пухлым щёчкам и капали на платформу, мгновенно укутываясь станционной пылью. Крепко обхватив меня ручонками, она причитала: *«Хидео! Она вернётся! Она обязательно вернётся!»*

Никогда мне *этого* не забыть. Я и теперь явственно слышу её детские всхлипывания, ощущаю на плечах её влажные ладошки, электричка, перрон, солнцепёк — всё как вчера.

В полдень мы всегда купались в Оро, все четверо оставшихся: Конеко, Сууди, Хад'д и я.¹³ Как самый старший,¹⁴ я командовал шумной оравой и сразу после купания бросал своё маленькое войско на помощь троюродной кузине Топи, работавшей на станции ирригационного контроля. В конце концов добровольные помощники доставали её до печёнок, и она прогоняла нас: *«Ступайте, помогите кому-нибудь ещё, дайте хоть немного спокойно поработать!»* И мы снова отправлялись на берег строить наши песчаные замки.

Вот вам ещё картинка: год спустя двенадцатилетний Хидео вместе с тринадцатилетней Исидри отправляется на фотоэлектричке в школу, оставляя на пыльном станционном перроне Конеко, пусть не в слезах, но в глубоком молчании — так всегда горевала Исако, наша с нею мать.

Школа мне полюбилась. Помнится, сперва я страшно тосковал по дому, но эти грустные воспоминания глубоко похоронены под бесчисленными яркими впечатлениями весёлых школярских лет, проведённых сперва в Херхоте, а затем в Центре Второй Ступени в Ран'не, где я выбрал себе курс темпоральной физики и механики.

Исидри, посвятив всего год по завершении Первой Ступени изучению литературы, гидрологии и *эйнологии*¹⁵, вернулась к родным пенатам — ферма Удан, деревня Дердан'над, северо-западная область бассейна реки Садуун.

Также и трое младших, закончив школу и проведя кто год, кто два в Центре Второй Ступени, увезли накопленную премудрость в родной Удан. Конеко, когда ей исполнилось не то пятнадцать, не то шестнадцать, пыталась советоваться со мной, как со старшим братом, о продолжении учёбы в Ран'не, но все остальные наперебой уговаривали её остаться дома. Она блистала как раз в дисциплинах, которые мы в целом именуем *«густым гребешком»* — в обычном переводе это *«сельский менеджмент»*, но последнее плохо отражает всю сложность предмета, включающего перспективное планирование с учётом экологических, экономических, эстетических и иных самых неожиданных

13 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

14 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

15 В оригинале всюду по тексту (см. 43) вариации на тему «эйнологии» — очевидно, придуманный термин: производное от немецкого «ein» в значении «один, одна, одно» и греч. λόγος — слово (мн. число λόγια), т. е. некая «наука единства». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

факторов с целью поддержания природного гомеостазиса. Наш Котёнок имела в этом подлинное чутьё, и планировщики Дердан'нада приняли её в свой Совет ещё до того, как ей стукнуло двадцать. Впрочем, я к тому времени уже уехал.

Каждый год в течение учёбы в школах обеих ступеней я возвращался домой на зимние каникулы. Когда оказывался в родных стенах, тут же сбрасывал с себя всю школьную премудрость, точно опостылевший ранец с учебниками, и мгновенно превращался в прежнего отчаянного деревенского шалопая — купальня, рыбалка, гулянки, участие в пьесах и фарсах, разыгрываемых в Большом амбаре, танцплощадка, вечеринки и любовь, любовь едва ли не со всеми Утренними сверстниками в Дердан'наде и окрестных деревушках.

Но в последние два года учёбы в Ран'не характер моего каникулярного времяпрепровождения резко переменился. Вместо того чтобы шататься день и ночь напролёт по окрестностям, вместо танцулек в любом гостеприимном доме я стал часто проводить время в родных стенах. Стремясь уберечься от прочных привязанностей, я со всей возможной деликатностью отдалился от дорогого сердцу Соты из поместья Дрехе. Часами я мог просиживать на берегу Оро с рыболовной снастью в руке, запечатлевая в памяти хитросплетения струй прямо над нашей купальной затокой¹⁶. Вода там, обегая парочку массивных притопленных валунов, закручивалась затейливыми спиралями, большей частью угасавшими и лишь в единственном глубоком месте сплетавшимися в настоящий морской узел, маленький водоворот, быстро сносимый вниз по течению, где, достигнув очередного валуна, он растворялся, снова сливаясь с зыбким телом реки, а на его месте уже возникал следующий, затем ещё один, и так без конца... Река в ту зиму, напоённая щедрым дождём, порой захлёстывала валуны и разливалась в водную гладь, но всегда ненадолго — вскоре всё опять возвращалось на круги своя.

Долгие зимние вечера я проводил у камина, беседуя с моей сестрёнкой и кузеном Сууди о вещах вполне серьёзных и одновременно любясь порхающими движениями рук матери, занятой вышивкой бисером на новых занавесках для гостиной, которые мой отец состроил на древней — четырёхсот лет от рёду — уданской швейной машинке. Я также помог ему разобраться с переналадкой систем удобрения и севооборота восточных полей в соответствии с новыми указаниями Совета деревенской общины. Работая вместе в поле, мы, случалось, беседовали, но никогда подолгу. Порой устраивали дома и музыкальные вечера; кузен Хад'д, признанный затейник и ударник деревенского ансамбля, мог сколотить оркестр из кого угодно. А не то я усаживался сразиться с Тубду в «Укради-слово» — игру, которую она обожала и в которую почти никогда не выигрывала, так как, сосредоточившись на попытках стянуть слова у противника, постоянно забывала о защите собственных. «Попался, который кусался!» — азартно вскрикивала она, размахивая отвоёванными у меня фишками, крепко зажатыми в толстых огрубелых пальцах, и заливаясь беззвучным хохотом, своей Великой Щекоткой; следующим же ходом я возвращал себе их все с солидной прибавкой из её кровных запасов. «Нет, как вам это нравится!» —

16 Суржик, подразумевается залив. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

изумлялась она, озадаченно уставясь на доску. Иногда участие в игре принимал и мой соотец Кап — тот сражался куда методичнее, но как-то механически равнодушно, совершенно одинаково улыбаясь как победе, так и проигрышу.

Порой я затворялся у себя в комнате — мансарде с тёмными деревянными стенами и бордовыми шторами, с запахом дождя в распахнутом окошке и его же барабанной дробью по крыше. Я мог часами лежать так в полумраке, лелея свою печаль, свою щемящую и сладостную боль, беду предстоящей разлуки с отчим домом, который я готовился покинуть вскоре и навсегда, чтобы отправиться в неведомый путь по тёмной реке времени. Ибо к восемнадцати годам уже твёрдо знал, что расставание с родным Уданом, с родной О для меня неизбежно, что путь мой лежит в иные миры. Таковы были тогда мои устремления. Такова оказалась моя судьба.

Описывая свои зимние каникулы, я забыл упомянуть об Исидри. А ведь она тоже была там. Участвовала в пьесах, трудилась на ферме, ходила на танцы, пела в хоре, шаталась по окрестностям, купалась в реке под тёплым дождём — всё как у всех. В первый мой приезд из Ран'на, как только я выскочил из поезда на дердан'надскую платформу, она со слезами радости на глазах первая встретила меня крепким объятием, затем, смущённо хихикнув, отстранилась и после стояла в сторонке несколько скованно и отчуждённо — высокая, изящная, смуглая девушка с выражением ожидания чего-то на прелестном личике. В тот вечер Исидри в моём присутствии буквально *цепенела*. Мне казалось, это оттого, что, привыкнув видеть во мне младшею, ребёнка, она столкнулась теперь с настоящим мужчиной — как же, восемнадцать лет, студент Второй Ступени! Это льстило моему самолюбию, я стал искать её общества, старался опекать. Но и в последующие дни Исидри оставалась какой-то зажатой, постоянно хихикала без повода, никогда не открываясь начистоту в наших долгих беседах и даже порою как будто чураясь меня. Всю последнюю декаду тех моих каникул Исидри провела в гостях у дальних родственников своего отца из деревни *Сабтодью*. Меня задело, что она не сочла возможным отложить свою поездку всего лишь на¹⁷ десять дней.

На следующий год Исидри больше не цепенела в моём присутствии, но ближе оттого не стала. Она увлеклась религией, ежедневно посещала храм, штудировала тексты Дискуссий под руководством старейшин. Она была любезна, дружелюбна, но вечно чем-нибудь занята. Я не припомню, чтобы мне хоть раз довелось прикоснуться к ней в ту зиму — не считая разве что прощального поцелуя на перроне. Мой народ не целуется в губы, мы соприкасаемся щеками на миг — или дольше. *Тот* поцелуй Исидри оказался легче прикосновения палого листка — мимолётный и едва ощутимый.

В мою третью и последнюю зиму дома я признался, наконец, что уезжаю на Хайн, а оттуда собираюсь отправиться дальше — и навсегда.

Как бессердечны мы порой с собственными родными! Ведь всё, что требовалось тогда сказать, — всего лишь про отъезд на Хайн. После полувздоха-полувскрика: «*Так я и знала!*» — Исако спросила в обычной своей

17 В оригинале «па». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

манере, мягким, едва ли не извинительным тоном: «*Но ведь после Хайна ты сможешь вернуться домой, хотя бы ненадолго?*». Мне следовало ответить матери «да». Ведь это было всё, чего она просила. *Лучик надежды*. Да, разумеется, после Хайна я мог бы вернуться на время. Но с беспшибашным максимализмом и самовлюблённостью, присущими жестоковыйной юности, я отказался дать матери то, чего она так хотела. Я стремился оборвать все нити разом, вырвать из её души надежду увидеть сына после десятилетней разлуки, я хотел сразу расставить все точки над «i». «*Если примут, я ведь стану Мобилем*», — сообщил я матери. Я старательно подзуживал себя, стараясь говорить без обиняков. Я даже гордился, если не наслаждался собственной прямоотой, своей правдивостью! Но действительность, как выяснилось лишь спустя мною лет, оказалось совершенно иной. Правде вообще редко случается быть простой и ясной, но лишь немногим истинам по плечу спор с моей судьбой в сложности и витиеватости.

Мать приняла мою жестокость без слёз, без сетований. Она ведь и сама когда-то поступила так же, покинув Терру. И всё же обронила позднее в тот вечер: «*Мы ведь сможем изредка беседовать по ансиблю*¹⁸, пока ты будешь на Хайне». Она как бы ободряла этим меня, не себя. Полагаю, ей припомнилось, как сама она, сказав родным последнее «*прощай*», ступила на борт СКОКС-корабля, чтобы сойти на Хайне спустя всего лишь несколько релятивистских часов — полвека после смерти на Терре её матери. Она тоже могла бы поговорить по ансиблю, но с кем? Я не изведаль подобной мўки, а вот ей довелось. И она находила слабое утешение в том, что мне это пока что не грозит.

Всё для меня тогда стало врёменным, каждую фразу хотелось предварить словами «*пока что...*» О, этот горький мёд последних деньков! Как же я любовался собой тогда, я как бы снова балансировал на осклизлом валуне посреди ревающего потока с острой в железной руке — всем героям герой! До чего же бездумно комкал я в руке листок тягучего¹⁹ уданского периода своей краткой жизни, стремясь отшвырнуть её прочь и открыть новый, манящий девственной белизной!

Был миг, когда мне приоткрылся истинный смысл того, что собирался я тогда совершить, — но всего один и столь краткий, что я *отверг прозрение*.

Случилось это в тёплый дождливый полдень в сáмом конце каникул. Сидя в мастерской при элинге, я с увлечением мастерил новую банку для маленькой красной плоскодонки, на которой мы обычно ходили в дальнюю рыбалку. Постоянные глухие раскаты с раздувшейся реки служили мне прекрасным фоном для мыслей о разном — я воображал себя на какой-нибудь далёкой планете в сотне световых лет вспоминающим этот день и час, запах реки и стружки, несмолкаемый говор воды, как бы загодя пытаясь исцелиться

18 В Хайнском цикле (Hainish) произведений (автор: Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin) термин «ансибль», очевидно, придуман на французский манер: «an-cible» в дословном переводе может значить нечто вроде «год-цель» или «целевой год», а в данном случае — в значении некоего устройства, которое осуществляет связь не просто сквозь пространство, но именно мгновенно через световые годы, т. е. минуя пространственно-временной континуум (также см. 24, 26, 27, 28, 29, 36, 104, 105, 106). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 В оригинале «тягучею». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

от ностальгии, которую предстояло пережить только в далёком будущем. Вдруг, после робкого стука в дверь, в мастерскую заглянула Исидри — тонкое смуглое личико, длинная коса волос чуть светлее моих, искательный взгляд ясных светлых глаз.

— Хидео, — начала она, — ты можешь уделить мне минутку-другую? Нам нужно поговорить.

— Заходи-заходи! — ответил я с напускной бодростью и радушием, хотя вряд ли признавал тогда отчётливо, что мне просто не достало бы дýху самому завести этот разговор с ней, что я как бы опасался чего-то — чего, спрашивается?

Присев на краешек верстака, Исидри какое-то время молча следила за моими трудами. Кода пауза затянулась и я завёл трёп о погоде, она перебила:

— Знаешь ли ты, *почему* я сторонилась тебя?

— Сторонилась? Меня? — деланно изумился я.

На это Исидри *вздохнула*. Видимо, она надеялась на утвердительный ответ, могущий облегчить всё остальное. Но я не мог помочь ей. Ведь лгал я лишь в том, что якобы не замечал такой её отчуждённости. Я действительно никогда, никогда, пока она сама мне не призналась, не мог сообразить, в чём причина.

— Ещё позапрошлой зимой я поняла, что *люблю тебя*, — сказала Исидри. — Я не собиралась рассказывать тебе о своих чувствах, потому что... да это и так понятно. Если бы ты чувствовал ко мне хоть что-то, то сам бы давно всё заметил. Но моя любовь не оказалась взаимной. Стало быть, не судьба. Но когда ты сказал, что уезжаешь, покидаешь нас навсегда... Сперва мне казалось, что тем более не следует ничего говорить. Но после я поняла — так будет нечестно. Во всяком случае, с моей стороны. *Любовь имеет право быть высказанной*. И у тебя есть право знать, что кто-то любит тебя. Что кто-то любил тебя, мог бы любить тебя. Мы все нуждаемся в подобном знании. Возможно, это самое важное, в чём мы нуждаемся. Поэтому я и решила сказать тебе. А ещё я опасалась, что ты можешь неправильно истолковать моё поведение, подумать, что я не люблю тебя. Порой это могло выглядеть именно так. Но это было не так.

Спрыгнув²⁰ с верстака, девушка двинулась к двери.

— Сидри! — воскликнул я вслед, имя вырвалось из моей груди странным, хриплым выдохом, одно лишь имя, ни слова более — не было слов. Не было больше ни чувств, ни сострадания, ни давешней ностальгии, ни моих сладостных мучений. Я стоял там как громом поражённый. Наши глаза встретились. Мы замерли, заглянув друг другу в самую дýшу. Затем Исидри отвела взгляд, губы её искривила болезненная гримаска, и она тихонько скользнула за дверь.

---

20 В оригинале жуткое «Спрыг нув». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я не пошёл за нею. Мне нечего было сказать ей. Абсолютно нечего. Я чувствовал, что поиски нужных слов займут недели, месяцы, годы. Считанные минуты назад я был безмерно богат и счастлив, упоён собой и своим предназначением — а теперь стоял опустошённый и нищий, уныло глядя в мир, который собирался покинуть.

Этот миг моего прозрения длился на самом деле добрый час — на всю жизнь запечатлевшийся в памяти как «час в эллинге». Ссутулившись, я сидел на высоком верстаке, где недавно сидела Исидри. Лил дождь, бесилась река, смеркалось. Очнувшись в конце концов, я включил свет, как бы пытаюсь затмить им ужасающую правду действительности, отстоять перед нею мою цель, мои планы на будущее. Я начал возводить в душе своего рода эмоциональную стену, чтобы спрятаться за нею от того, что так ярко высветила Исидри во мне самом, чтобы уйти от взгляда её безжалостных и ласковых глаз.

К моменту,²¹ когда я поднялся в дом к обеду, ко мне уже вернулось самообладание. Укладываясь в тот вечер спать, я снова был хозяином собственной²² судьбы, уверенным в своём выборе. Более того, я готов был отпустить самому себе грехи грядущей тоски по Исидри, своего сострадания к ней — хотя, возможно, и не вполне. Я не видел в том ничего для неё зазорного или оскорбительного. Скорее уж для себя. Я-то стыдился этою своего «часа в эллинге», стеснялся пережитого там *самобичевания*. И несколько дней спустя, прощаясь с родными на замызганном мокром перроне деревенского полустанка — *заплакал*. Не по разлуке с ними. По самому себе. То были честные, искренние слёзы. Ноша, которую я взвалил на себя, оказалась чрезмерной. А мой опыт страданий был столь невелик! И я сказал тогда матери:

— Я вернусь, обязательно вернусь! Вот закончу курс — лет через шесть, семь — и вернусь. И поживу с вами.

— Да приведёт тебя твой путь к родному дому, — шепнула Исако. Она крепко обняла меня — и отпустила.

Итак — мы вернулись к моменту, с которого началась моя повесть: мне двадцать один год и на звездолёте «Ступени Дарранды» я лечу в Экуменическую школу на Хайне.

Из самого путешествия я ни черта не запомнил. Помню, как оказался в СКОКСе, как искал каюту — и всё как отрезало. В памяти остались лишь какое-то физическое ошеломление, тошнота, головокружение. Ещё смутно припоминаю, как, шатаясь на ватных ногах, едва не скатился по трапу и как мне любезно помогли сделать первые шаги по зыбкой поверхности Хайна.

---

21 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

22 В оригинале «собственной», т. е. жуткая смесь кириллицы с латинскими символами и цифрой «собс». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Огорчённый подобным провалом в сознании, я сразу по прибытии проконсультировался в Экуменической школе. Мне объяснили, что *субсветовые скорости оказывают весьма хитрое воздействие на человеческую психику*. Большинству путешественников представляется, что они провели на борту всего лишь несколько биочасов, как это и есть в действительности; иные сохраняют в памяти самые неожиданные выверты пространственно-временного континуума, порой даже небезопасные для их душевного здоровья; некоторым кажется, что они всю долгую дорогу спали и «пробудились» только по прилёте. Мне же не довелось пережить ничего подобного. Я вообще не сохранил никаких воспоминаний. Казалось, меня одурачили. Я-то мечтал смаковать впоследствии подробности первого своего космического перелёта, надеялся вкусить прелесть проведённого на борту времени, а нет — как ни напрягайся, в черепашке хоть шаром покати. Вот я, бодренький, в космопорту на О, а вот я уже, с трудом осознавая окружающее, ковыляю по трапу в порт Ве²³ — никакого тебе интервала во времени.

Моя учёба и труды в первые хайнские годы не представляют теперь особую интереса. Упомяну единственный эпизод, который мог оставить след в архиве ансибля Четвёртой Дом-башни, предположительно за входящим номером ЭЛ-21-11-93/1645. (Когда я в последний раз справлялся в архиве ансибля в Ран'не, мне называли следующий исходящий: ЭВ-30-11-93/1645. Не считите меня снобом, но Юрасима тоже ведь оставил следы в Императорских архивах на Терре). 1645-й год — год моего прибытия на Хайн. В самом начале семестра меня пригласили в ансибль-центр, чтобы помочь его сотрудникам разобраться с искажённой помехами ансиблеграммой²⁴ с О — они надеялись, что, зная язык, я смогу расшифровать хоть что-то. Под датой отправления (на девять дней позже, чем дата приёма на Хайне!) значилось:

лесс оку н хиде проблем трену в ямерв это чарт ди это не может быть спасе лыбир

Сплошные перепутанные обрывки слов — отчасти хайнских²⁵ стандартных, отчасти ки'Отских, отчасти не имеющих видимого смысла фрагментов. *Оку* и *трену* и впрямь могли бы означать «север» и «симметричный» на сию, моём родном языке. Хотя Ансибль-центр на О и не подтверждал передачу подобного сообщения, приёмщики на Хайне отказываться от своей гипотезы происхождения ансиблеграммы²⁶ не торопились — из-за двух выше упомянутых слов, а также из-за хайнской фразы «*это не может быть спасением*», содержавшейся также и в практически одновременно полученном послании одного из Стабилей Экумены на О, встревоженного аварией мощной опреснительной установки. «*Мы называем подобные ансиблеграммы*»²⁷

23 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

24 В оригинале малопригодное «ансиблограммой», т. е. без смягчения «л» (также см. 18, 26, 27, 28, 29, 36, 104, 105, 106). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

25 В оригинале малопригодное «хайнских». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

26 В оригинале малопригодное «ансибло-граммы», теперь не только без смягчения (см. 18, 24, 27, 28, 29, 36, 104, 105, 106), но ещё и через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

27 В оригинале малопригодное «ансиблограммы» (см. 18, 24, 26, 28, 29, 36, 104, 105, 106). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

посланием-всмятку, — пояснил мне приёмщик центра, когда я, расписавшись в полном своём бессилии, а свою очередь заинтересовался деталями. — К счастью, такое случается крайне редко. Мы не в силах установить, откуда и когда они отправлены, а может, только будут ещё отправлены. Вся беда, похоже, в складках сдвоенного поля, где происходят какие-то сложные интерференционные наложения. Один мой коллега остроумно окрестил подобные казусы призракограммами».

Меня всегда восхищала возможность мгновенной передачи сообщений и, хотя я тогда едва приступил к изучению ансибл-теории, я не преминул воспользоваться подвернувшейся оказией, чтобы завязать приятельские отношения с работниками станции. А также записался на все возможные курсы по ансиблю.

На последнем году моей учёбы в колледже темпоральной физики, когда я прикидывал, не продолжить ли мне образование в системе Кита — разумеется, после обещанного визита на родину, которая на Хайне представлялась мне полузабытым сладким сновидением, но порой пробуждала и отчаянную ностальгию, — пришли первые ансиблеграммы²⁸ с Анарреса о новой сенсационной теории трансляции. И не одной только информации, но материи, грузов, людей — всё могло транслироваться с места на место абсолютно без затрат времени. Новой реальностью Экумены становилась «чартен-технология» — реальностью удивительной, невероятной.

Загоревшись принять в этом участие, я готов был заложить дьяволу тело и душу за возможность поработать над новой теорией. И тут ко мне пришли, и предложили сами — *не счёл ли бы я для себя возможным отсрочить свою квалификацию в Мобили на год-другой, чтобы поучаствовать в чартен-исследованиях?* Я принял предложение со всеми положенными в таких случаях реверансами. И в тот же вечер закатил пир на весь мир. Припоминаю, как я пытался научить однокашников отплясывать *фен'ну*, смутно помню ещё какие-то жуткие фейерверки на главной площади кампуса, а рассвет, сдаётся мне, встретил серенадами под окнами дирёктора школы. Зато хорошо запомнил своё самочувствие на другой день; однако даже жуткое похмелье не помешало мне дотащиться из любопытства до здания, в котором обустроивалась новая Лаборатория исследования чартен-поля, где предстояло работать и мне.

Передачи по ансиблю, естественно, удовольствие не из дешёвых, и за годы учёбы на Хайне я всего лишь дважды связывался с родными. Но тут мне на выручку пришли друзья из ансибл-центра, у которых изредка случались так называемые «оказии» с попутными ансиблеграммами²⁹ — с помощью одной из таких мне удалось бесплатно переправить сообщение для Первого седорету поместья Удан из Дердан'нада, Северо-западная область бассейна Садуун, Окет, О. В нём я извещал родителей, что, *«хотя новые исследования и отсрочат малость мой долгожданный визит домой, они дадут мне*

28 В оригинале малопригодное «ансиблограммы» (см. 18, 24, 26, 27, 29, 36, 104, 105, 106). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

29 В оригинале малопригодное «ансиблограммами» (см. 18, 24, 26, 27, 28, 36, 104, 105, 106). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

возможность сэкономить четыре года на космическом перелёте». Игривый тон послания маскировал моё чувство вины — но ведь мы тогда действительно верили, что получим практические результаты буквально в считанные месяцы.

Вскоре все Чартен-лаборатории перебрались на Be^{30} , а с ними и я. Совместная работа таукитян и хайнцев над проблемами чартен-поля в первые три года вылилась в бесконечную череду триумфов, отсрочек, надежд, поражений, прорывов, отступлений — всё менялось столь быстро, что стоило кому-либо взять неделю отпуска, как он совершенно выпадал из курса дел. «За видимой ясностью таится очередная закавыка», — любила повторять Гвонеш, директор проекта. И действительно: стоило нам разрешить одну проблему, как возникала другая, ещё круче. Эта фантастически прекрасная теория буквально сводила нас с ума. Результаты экспериментов вызывали буйный восторг и не поддавались никакому объяснению. Техника срабатывала лучше всего, когда никто не надеялся. Четыре года в чартен-лабораториях промелькнули, как говорится, в миг единый.

После десяти лет, проведённых на Хайне и Be^{31} , мне исполнился тридцать один год. Однако на О, пока я переживал несколько неприятных релятивистских минут перелёта на Хайн, прошло ещё четыре. Плюс четыре года, пока буду лететь обратно — итого, когда вернусь, для моих родных я провёл в отъезде полных восемнадцать. Все четверо моих родителей были пока ещё живы, и тянуть дольше с обещанным визитом домой никуда не годилось.

Но, хотя исследования как раз тогда упёрлись в глухую стену (именуемую «Парадоксом прошлогоднею снега», который китяне считали вообще неразрешимым), сама мысль провести восемь лет вдали от лабораторий казалась мне совершенно непереносимой. А что, если парадокс всё же разрешат — и без меня? Жутко было вообразить долгие четыре года, напрочь вырванные из жизни субсветовым перелётом. Без особой надежды я ткнулся к директору Гвонеш с просьбой позволить мне захватить с собой на О кое-какие приспособления, позволяющие дооборудовать ансибль-связь в Ран'не вспомогательным двойным констант-полем для поддержания связи с Be^{32} . Таким образом я хотя бы сохранял обмен с коллегами Be^{33} , а через Be^{34} — с Уррасом и Анарресом; к тому же это оборудование могло послужить основой для обустройства на О в будущем и чартен-связи. Помнится, я ещё сказал ей: «Если вам удастся решить парадокс, не забудьте отправить мне несколько мышей».

К моему большому удивлению, идея пришлась ко двору — наши механики нуждались в дополнительных приёмниках. Директор Гвонеш, непроницаемая, как сама теория чартен-поля, неожиданно похвалила меня за инициативу. «Мыши, тараканы, упыри — как знать, что ты там получишь от нас?» — улыбнулась она напоследок.

30 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

31 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

32 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

33 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

34 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Итак — мне тридцать один год, я покидаю Ве³⁵ и СКОКС-лайнером «Владычица Сорры» возвращаюсь на О. На сей раз я пережил субсветовой перелёт, как все нормальные люди — цепенящий промежуток времени, когда трудно сосредоточиться, непросто разглядеть циферблат, никак не уследить за беседой. Речь и физические движения затруднены, а то и вовсе невозможны. Соседи по рейсу становятся как бы призрачными — то ли есть они, то ли нет. Это отнюдь не галлюцинации, просто всё как-то смазано, помрачено. Похоже на ощущения при горячке: мысли вразброд, тоска смертная без конца и края, тело чужое и непослушное, не тело — невесомая оболочка, на которую смотришь как бы извне. Теперь-то я уже понимаю, что зря никто всерьёз и своевременно не заинтересовался *сродством ощущений* при СКОКСе и чартнинге. Промашка вышла.

С космодрома я отправился прямиком в Ран'н, где сразу же получил квартиру в Новом Квартале, куда удобнее и просторнее прежней студенческой, что в Храмовом, а также чуждые лабораторные помещения в Тауэр-Холле, куда безотлагательно перетащил всё своё оборудование. Сразу по прибытии я связался и поговорил с родителями — мать чем-то переболела, но, по её словам, *чувствовала себя уже гораздо лучше*. Я пообещал приехать, как только наладятся дела в Ран'не. Каждую декаду я звонил снова, и снова божился приехать, как только вырвусь. Но я действительно был очень занят, торопясь наверстать упущенное за четыре года полёта, а главное, разобраться с «*отысканным*» самой Гвонеш «*Прошлогодним снегом*». Это, к моему облегчению, оказалось единственным серьёзным прорывом в теории. Изрядно продвинулась за эти годы лишь технология. Мне пришлось переучиваться самому, а также практически с нуля готовить себе новых ассистентов. А ещё у меня имелись кое-какие собственные идеи, связанные с теорией двойною поля, которые пришли в голову перед самым отъездом. Пролетело добрых пять месяцев, прежде чем я позвонил родителям и сообщил, наконец: «*Ждите завтра*». И, уже опустив трубку, понял, что *всё это время чего-то боялся*.

Трудно сказать чего — то ли изменений, случившихся с ними за восемнадцать лет нашей разлуки, то ли вообще какой-то неопределённости, то ли самого себя.

Время почти не наложило отпечатка на холмы в окрестностях полноводной Садуун, на разбросанные поместья, на пыльный перрон полустанка в Дердан'наде, на старые, очень старые дома тихой пристанционной улочки. Исчезло большое Дерево собраний, но посаженное ему на смену уже успело подрасти и давало приличную тень. В родном поместье Удан изрядно разросся птичник. Его обитатели *ямсуси* надменно косились на меня сквозь плетень. Калитка, которую я поправлял в последний свой приезд домой, изрядно обветшала и нуждалась в замене петель и опорных столбиков. Зато сорняки, буйно разросшиеся по обочинам, были все те же — пыльная летняя травка со щемяще-сладостным ароматом.

---

35   См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

По-прежнему мягко клацали бесчисленные затворы ирригационных канавок. Всё в целом было по-старому. Казалось, Удан выпал из времени и дремлет себе над рекой, которой тоже только снится её собственный бег.

Изменились только лица, родные лица тех, кто встречал меня на жарком и пыльном перроне. Моя мать, которой исполнилось теперь шестьдесят пять, стала очаровательной хрупкой старушкой. Тубду потеряла весь свой вес и покрылась морщинами, как печально сдувшийся шарик. В отце, хотя он и сохранил определённый мужской шарм, чувствовалась старческая скованность — он старательно держался прямо и почти что не принимал участия в разговорах. Мой соотец Кап, семидесяти лет от роду, превратился в аккуратного, но несколько суетливого крохотного старичка. Они всё ещё оставались Первым седорету Удана, но юридическая ответственность за поместье уже перешла ко Второму и Третьему седорету.

Я, разумеется, предвидел подобные перемены, знал кое-что из сообщений, но читать ансиглеграммы³⁶ —³⁷ это одно, а видеть своими глазами — совершенно иное. Наш старый дом оказался куда населённое, чем в моём детстве. Южное крыло перестроили, а по двору, который некогда был тихим, тенистым и таинственным, сломя голову носилась шумная ватага незнакомых ребятишек.

Младшая сестрёнка Конеко, теперь на четыре года старше меня, очень напоминала нашу мать в молодости, какой она сохранилась в первых моих сознательных воспоминаниях. Когда поезд только подкатывал к платформе, я, стоя в дверях, признал её первой — она поднимала на руках малыша, громко восклицая «*Смотри, смотри, вот твой дядя Хидео!*»

Второй седорету существовал уже полных одиннадцать лет — Конеко и Исидри, сёстры-свояченицы, составляли его Дневной марьяж. Мужем Конеко был мой старинный приятель Сота, возмужавший ныне Утренний паренёк из поместья Дрехе. Как же мы с ним обожали друг друга в юности, как я горевал о нём, покидая О. Когда я впервые, ещё на Хайне, услышал о выборе Конеко, то — такой эгоист! — чуток расстроился, но упрекать себя в ревности всё же не стану: в конечном счёте этот брак глубоко меня тронул. Мужем Исидри оказался странствующий проповедник и Мастер Дискуссий по имени *Хедран*, возрастом лет на двадцать старше её самой. Удан однажды предоставил ему кров и ночлег, визит несколько затянулся и привёл в конце концов к свадьбе. Детей у них, впрочем, не было.³⁸ Зато были у Соты с Конеко, двое Вечерних: мальчуган десяти лет по имени *Мурми* и четырёхлетняя малышка *Мисако* — *Исако-младшая*.³⁹

Третий седорету составил и привёл в Удан мой братец-свойственник Сууди, женившийся на красотке из деревни *Астер*. Оттуда же явилась и их Утренняя пара. Детей в этом седорету было аж шестеро. К тому же кухня, седорету которой в Экке распался, вернулась в Удан с двумя малышами, так что, мягко выражаясь, никто в нашем доме не жаловался на недостаток

36 В оригинале малопригодное «ансиглеграммы» (см. 18, 24, 26, 27, 28, 29, 104, 105, 106). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

37 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

38 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

39 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

беготни, толкотни, одеваний-переодеваний, умываний, кормлений, хлопаний дверьми, визга, плача, смеха и прочих прелестей жизни. Тубду любила посиживать на солнышке возле кухни с какой-нибудь работёнкой и наблюдать за всей этой свистопляской. «*Вот же поганцы!* — покрикивала она то и дело. — *Никогда вам не потонуть, ни одному из вас!*» И она вновь заливалась своим беззвучным смехом, переходящим теперь в приступ астматического кашля.

Моя мать, которая всё же всегда была и осталась Мобилем Экумены, совершившей перелёты с Терры на Хайн, а оттуда на О, с нетерпением ждала новостей о моих исследованиях.

— Что же это такое, этот пресловутый твой *чартен*? — любопытствовала она. — Как он действует, на что способен? Вроде ансибля, но для материи?

— В общих чертах, да, — подтвердил я. — Трансляция, мгновенный перенос физических тел из одной ПВК⁴⁰-координаты в любую другую.

— Без временного промежутка?

— Без.

Исако поёжилась.

— Чую, чую в этом какой-то *подвох*, — протянула она задумчиво. — Расскажи-ка подробней.

Я уже успел позабыть, какой въедливой умеет быть моя ласковая матушка, напрочь позабыл, что она тоже учёная и не лыком шита. Мне пришлось как следует потрудиться, пытаясь объяснить ей необъяснимое.

— Итак, — сухо резюмировала она моё сообщение, — ты и сам не имеешь представления, как это действует.

— Верно, — признал я. — Мы пока не понимаем, что происходит при переносе. Знаем только, что если помещаешь мышь в камеру номер один и создаёшь поле, то — как правило — она тут же окажется в камере номер два, живая и невредимая. Вместе с клеткой, если только перед опытом мы не забыли посадить её в клетку. Обычно забываем. Мыши у нас там шастают повсюду.

— А что такое «мышь»? — вмешался вдруг Утренний мальчуган из Третьего седорету, до сих пор тихо и внимательно слушавший то, что казалось ему похожим на удивительную новую сказку.

— А! — улыбнулся я, чуток смущённый. Я уже успел забыть, что на Удане не знают мышей, а крысы здесь — зубастые демоны, закадычные враги нарисованного кота. — Крохотный, милый, пушистый зверёк, — пояснил я. — Родом с планеты, где родилась твоя бабушка Исако. Мыши — лучшие друзья учёных. Они путешествуют по всем известным мирам.

— На маленьких-маленьких корабликах? — с надеждой спросил малыш.

---

40 Пространственно-временной континуум. (примеч. пер.)

— Чаще всё же на больших, — ответил я. И малыш, удовлетворённо кивнув, умчался прочь.

— Хидео, — начала моя мать, мгновенно перескакивая с одной темы на другую — ужасающая черта женщин, думающих обо всём разом, своего рода мысленный чартнинг, — а у тебя есть кто-нибудь?

Криво улыбнувшись, я помотал головой.

— Вообще никого?

— Ну, жил я как-то год-другой вместе с одним парнем из Альтерры, — выдавил я смущённо. — Мы крепко с ним сдружились; но сейчас он Мобиль. Ну и... разное прочее... то там, то сям. Совсем недавно, к примеру, пока жил в Ран'не, встречался с одной милашкой из Восточного Окета.

— Надеюсь, если ты всё же избере́шь судьбу космического скитальца, тебе встретится хорошая девушка-Мобиль, — сказала мать. — Вы могли бы жить с ней вместе. В парном браке. Так оно *легче*.

«*Легче чем что?*» — всплыл у меня вопрос, но задавать его вслух я не рискнул.

— Знаешь, мать, я уже сильно сомневаюсь, что когда-нибудь вообще выберусь дальше Хайна. Слишком погряз в этих делах с чарте́ном и бросать их пока не намерен. Если же нам удастся отладить аппаратуру, путешествия и вовсе станут пустяком. Отпадёт нужда в жертвах вроде той, что принесла ты когда-то. Мир переменится, просто невообразимо переменится! Ты могла бы смотреть на Терру и обратно, допустим, на часок, и на всё на это затратить ровно час, ни минутой больше.

Исако задумалась.

— Если такое удастся осуществить, — заговорила она задумчиво, даже морщась от напряжённых усилия мысли, — то вы тогда... Вы *скомкаете Галактику... Сведете Вселенную к...* — Она сложила пальцы левой руки *щепотью*.

Я кивнул:

— Миля или световой год — не будет никакой разницы. Расстояния исчезнут вообще.

— Такого просто не может быть, — заметила мать после паузы. — Событийный ряд требует интервалов... Где имение, где вода... Не уверена, что вам удастся совладать с этим, Хидео. — Она улыбнулась. — Но ты всё же попробуй!

После этого мы с ней обсудили ещё намеченную на завтра вечеринку в поместье Дрехе.

Я не счёл нужным рассказывать матери, что приглашал Таси, мою подружку из Восточного Окета, поехать в Удан вместе со мной и что она *отказалась*, деликатно известив меня, что *нам самое время пожить отдельно*. Ох, Таси, Таси... Типичная ки'Отка — высокая и темноволосая, не

жгучая брюнетка, как я сам, а помягче, как тѣни в ранних сумерках, — она искусно, без обид погасила все мои протесты. «Знаешь, порой мне кажется, что ты влюблѣн в кого-то ещё, — заметила Таси к концу нашего объяснения. — Может быть, в кого-то на Хайне? Может, в того парня с Альтерры, о котором рассказывал?» «Нет», — ответил я ей тогда. Нет, — думал теперь и сам. Я никогда никого не любил. Я просто не способен любить, теперь это ужѣ совершенно ясно. Я слишком долго мечтал о судьбе галактического скитальца без прочных связей, затем слишком долго трудился в чартен-лаборатории, повенчанный единственно со своей проклятой теорией невозможного. Где тут место для любви, где время?

Но почему всё же я так хотел захватить Таси с собой в Удан?

В дверях дома меня тихо приветила женщина лет сорока, вовсе не девчушка, которую я знал когда-то, высокая, ужѣ далеко не худая, но по-прежнему нетипичная, ни с кем не сравнимая — Исидри. Какие-то безотлагательные дела по хозяйству помешали ей прийти на станцию вместе с остальными. Одета в выдавший виды комбинезон, как будто только что с полевых работ, с волосами, ужѣ тронутыми сединой, заплетѣнными в тяжѣлую косу, Исидри стояла в широком деревянном проѣме, как некий символ Удана в отполированной временем рамочке — душа и тело тридцативекового поместья, его преемственность, сама жизнь. В её руках было всё моѣ детство, и она снова дружелюбно протягивала их мне.

— Добро пожаловать домой, Хидео, — сказала Исидри с улыбкой, затмившей солнечный полдень. Проведя меня за руку в дом, она мягко добавила: — Я выселила детей из твоей старой мансарды. Мне казалось, что там тебе будет уютнее, не возражаешь?

И снова она расцвела в улыбке, излучавшей физически ощутимое тепло, щедрость женщины в самом соку, замужней, удовлетворѣнной, живущей полнокровной жизнью. Я не нуждался более в Таси, как в щите от Исидри. Мне вовсе не следовало её опасаться. Исидри не держала на меня никакого зла, не испытывала передо мной ни тѣни смущения. Она любила меня прежнего, теперь же перед нею стоял совсем иной человек. Неуместным было бы также и мне испытывать смущение или какой-то стыд. Я и не ощущал ничего, кроме старой доброй приязни тех давних лет, когда мы вместе с нею бродили, играли, работали, мечтали — двое неразлучных питомцев Удана.

Итак — я обосновался в своей старой комнатухе под самой кровлей. На первый взгляд новыми в ней были только оконные шторы цвета ржавчины. Обнаружив под стулом в чулане забытую игрушку, я словно бы снова окунулся в далѣкое детство, когда сам разбрасывал вещи повсюду — чтобы обнаружить их только сейчас, спустя многие годы. В четырнадцать, сразу после обряда конфирмации, я тщательно вырезал своё имя на глубоком подоконнике слухового окошка среди множества угловатых иероглифов моих бесчисленных предшественников. Теперь я отыскал свой автограф. Его окружали кое-какие добавления. Под чѣтким, аккуратным «Хидео», обрамлѣнным моим личным гербом, цветком одуванчика, было криво

накарябано «Доходри», а рядом — изящный трёхфронтонный символ нашего дома. На меня накатило неодолимое чувство, будто я жалкий пузырьёк на поверхности Оро, мимолётная искорка в бесконечной череде веков Удана, в неизменном его бытии в этом стабильнейшем из миров — чувство, полностью опровергающее мою индивидуальность и в то же время её утверждающее. Все ночи моего пребывания дома в тот визит я засыпал как убитый, как не спал уже годы, мгновенно проваливаясь в пучину сновидений — чтобы проснуться ярким летним утром обновлённым и голодным, точно новорождённый.

Никому из детей не исполнилось ещё и двенадцати, и они обучались пока в домашней школе. Исидри, преподававшая литературу и религию, а также исполнявшая обязанности директрисы, пригласила меня рассказать им о Хайне, о СКОКС-путешествиях, о темпоральной физике — о чём мне только будет угодно. Гостящего в ки'Отском поместье всегда приспособят к какому-нибудь полезному делу. Но Вечерний дядюшка Хидео, постоянно готовый к проказам, сумел стать любимцем всей детворы. То тележку для *ямсусей* смастерит, то захватит детей поудить с большой лодки, управлять которой им ещё не по силам, а не то поведает сказку об удивительной волшебной мышке, которая умела находиться в двух разных местах одновременно. Я поинтересовался как-то, рассказывала ли им бабушка Исако историю о нарисованном котё, который, ожив ночью, расправился с демоническими крысами. «*И вся его молда наутло была ЗАМУЛЗАНА!*» — с восторгом подхватила малютка Мисако. Но легенду о Юрасиме они не слышали.

— Почему ты не рассказала детям о «Рыбаке из Внутриморья»? — спросил я как-то у матери.

— О, то была *твоя* история. Ты обожал её, — ответила она мне со светлой улыбкой.

В следующий миг я встретил взгляд Исидри, спокойный и ясный, и в то же время *чем-то озабоченный*.

Зная, что мать годом ранее перенесла серьёзную операцию на сердце, я в тот же вечер, когда мы вместе с Исидри проверяли домашние задания старшего «класса», спросил у неё:

— Как ты думаешь, Исако вполне оправилась от своих болячек?

— С тех пор как ты приехал домой, её не узнать. Но... даже не знаю. Ведь Исако серьёзно пострадала ещё в детстве — от *ядов в биосфере Терры*. Врачи говорят, что *угнетена её иммунная система*. Но она ведь такая терпеливая. И скрытная. *Чересчур скрытная*.

— А Тубду — ей разве не надо заменить лёгкие?

— Пожалуй. Время не щадит никого⁴¹ из четверых, но с годами растёт и их упрямство... Ты всё же присматривай за Исако. Потом расскажешь.

---

41 В оригинале «никою». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И я стал приглядывать за матерью. Через несколько дней доложил, что выглядит она бодрой и решительной, порой даже *несколько деспотичной*, и что никаких признаков скрытой боли, беспокоившей Исидри, я не заметил. Исидри *просияла*.

— Исако говорила мне как-то, — поделилась она, — что *любая мать связана с ребёнком тончайшей нитью, незримой пуповиной, которая может без всякого труда растянуться на любое расстояние, даже на световые годы*. Я заметила тогда, что *это, должно быть, больно*, но она возразила: «*Нет-нет, что ты, совсем не больно, она всё тянется и тянется — никогда не оборвётся*». Мне всё же кажется, что это должно быть болезненно. Но — не знаю. Детей у меня нет, а сама я никогда не уезжала от матери дальше, чем на два дня пути.⁴² — Исидри снова улыбнулась и добавила от чистого сердца: — Я чувствую, что люблю Исако больше всех, больше собственной матери, сильнее даже, чем Конеко...

Затем Исидри вдруг заторопилась показывать сыну Сууди, как налаживают таймер ирригационного контроля. Она служила деревенским гидрологом, а для поместья Удан — ещё и *эйнологом*⁴³. Вся жизнь её была заполнена делами и родственными узами — светлая и неизменная чередой дней, времён года, лет. Она плыла по жизни, как плавала в детстве в реке — воистину что рыба в воде. Своих детей не имела, но все дети кругом были её детьми. Любовь Исидри и Конеко была едва ли не прочнее той, что некогда связала их матерей. Чувство, которое Исидри питала к собственному высокоучённому супругу, казалось безмятежным и исполненным почтения. Я предположил было, что сексуальный акцент в жизни последнего падает⁴⁴ на Ночной марьяж с моим старым дружкой Сотой, но Исидри действительно искренне почитала мужа и во всём полагалась на его духовное наставничество. Я же находил его проповеди малость занудными и весьма, весьма спорными — но что понимал я в религии? Не посетив за долгие годы ни единой службы, я чувствовал себя не в своей тарелке даже в домашней часовне. Даже в собственном доме ощущал я себя чужаком. Просто избегал признаваться в том самом себе.

Месяц, проведённый дома, запомнился мне как время блаженной праздности, под конец, впрочем, изрядно поднадоевшей. Чувства мои притупились. Отчаянная ностальгия, романтические ощущения судьбоносности каждой мига канули в прошлое, остались с тем, двадцатилетним Хидео. Хотя я и стал нынче моложе всех моих прежних сверстников, я всё же оставался зрелым мужчиной, избравшим свой путь, удовлетворённым работой, в ладу с самим собой. Между прочим, я как-то даже сложил небольшую поэму для домашнего альбома, суть которой именно в *необходимости следовать избранному пути*. Когда я снова собрался в дорогу, то обнял и расцеловал всех и каждого — бесчисленные прикосновения щёк, мягкие и пожёстче. На прощанье заверил родных, что *если останусь по работе на О* — а это казалось пока вполне вероятным, — *то обязательно навещу их зимой*. По пути, в поезде, пробивающемся сквозь лесистые холмы к

42 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

43 См. 15. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

44 В оригинале сомнительное «надает». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ран'ну, я легкомысленно воображал себе эту грядущую зиму, свой приезд и домочадцев, за полгода ничуть не переменившихся; давая волю фантазии, воображал также и свой возможный приезд через очередные восемнадцать лет, а то и позднее — к тому времени кое-кому из родных суждено кануть в небытие, и появятся новые, незнакомые лица, но Удан, рассекающий волны Лёты⁴⁵, как мрачный трёхмачтовый парусник, навсегда останется моим отчим домом. Всякий раз,⁴⁶ когда я лгал самому себе, на меня нисходило особое вдохновение.

Прибыв в Ран'н, я первым делом отправился в Тауэр-Холл проверять, что там наворотили мои архаровцы. Собрав коллег после своей неожиданной, но благодушной ревизии за банкетным столом — а я захватил с собою в лабораторию здоровенную бутылку уданского кедуна пятнадцатилетней выдержки, целым ящиком которого снабдила меня предусмотрительная Исидри, великая мастерица по части изготовления вин, — я затеял в непринуждённой обстановке коллективную мозговую атаку по поводу последних известий, как раз накануне полученных из Анарреса: тамошние учёные предлагали весьма неожиданный принцип «неразрывности поля». Затем с головой, с отвычки распухшей от физики, я побрёл по ночному Ран'ну к себе в Новый Квартал, немного почитал и лёг в постель. Выключив свет, ощутил, как *темнота, заполонившая комнату, просачивается и в меня. Где я? Кто я? Одиночка, чужой среди чужих, каким был десять лет и каким обречён остаться теперь уже навсегда. На той планете или на иной — какая, к лешему, разница? Никто, ничто и ничей. Разве Удан — мой дом? Нет у меня дома, нет семьи, нет, да и не было никогда. Не было будущего, не было судьбы — не более, чем у пузырька на орбите речную омуту. Вот он есть, а вот его нет. И следа не осталось.*

Снова, не в силах выносить темноту, я включил свет, но стало только хуже. В растрёпанных чувствах, я свесил с кровати ноги и горько зарыдал. И не мог остановиться. Просто жутко, до чего порой может докатиться взрослый мужик — уже совершенно обессиленный, я всё трясся и трясся, и захлёбывался рыданиями. Лишь через час-другой сумел я взять себя в руки, утешив себя простой детской фантазией, как случилось в уданском прошлом. Вообразил, как утром звоню Исидри и прошу её о духовном руководстве, о храмовой исповеди, которой я давно жаждал, но всё никак не решался, и что я с незапамятных времён не участвовал в Дискуссиях, но теперь жутко нуждаюсь в том и прошу о помощи. Цепляясь за *эту* мысль как за спасительную соломинку, я сумел унять свою ужасную истерику и лежал так в полном изнеможении до первых проблесков рассвета.

Конечно же, я не стал никому звонить. *При свете дня мысль, что ночью уберегла меня от отчаяния, показалась совершенно нелепой.* К тому же я был уверен: *стбит позвонить, Исидри тут же помчится советоваться со своим преподобным муженьком.* Но, понимая, что без помощи мне уже не обойтись,

45 Лёта (λήθη — забвение, древнегреческая мифология) — река забвения в подземном царстве, воды которой заставляли души умерших забывать жизнь на земле; персонификация забвения, дочь богини раздора Эриды (Eris). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

46 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

я всё же отправился на исповедь в храм при Старой Школе. Получив там экземпляр Первых Дискуссий и внимательно перечитав его, я присоединился к текущей Дискуссионной группе, где малость отвёл себе дýшу. Наша религия не персонифицирует Творца, главный предмет наших религиозных Дискуссий — мистическая логика. Само наименование нашего мира — первое слово сáмого Первого Аргумента, а наш священный ковчег — голос человека и человеческое сознание. Листая полузабытые с детства страницы, я вдруг постиг, что всё это ничуть не менее странно, чем теория моего безумного чартен-перехода, и в чём-то даже сродни ему, как бы *дополняет*. Я давно слышал — правда, никогда не придавая тому особого значения, — что *наука и религия у китян суть аспекты единого знания*. А теперь вдруг задумался, *уж не универсальный ли это закон?*

Я стал скверно спать по ночам, а часто и вовсе не мог заснуть. После уданских разносолов еда в колледже казалась мне абсолютно пресной, и я потерял аппетит. Но наша работа, моя работа, продвигалась успешно, чертовски успешно, даже слишком.

— Хватит с нас мышей, — заявила как-то раз Гвонеш голосом ансамбля с Хайна. — Пора переходить к людям.

— Начнём с меня? — вскинулся я.

— С меня! — отрезала Гвонеш.

И директор важнейшего проекта собственной персоной начала скакать, точно блоха, — сперва из одного угла лаборатории в другой, затем из корпуса-1 в корпус⁴⁷-2, и всё это без затрат времени, исчезая в одной лаборатории и мгновенно появляясь в другой — рот до ушей.

— Ну,⁴⁸ и каковы же *ощущения*? На что похоже? — приставали к Гвонеш все как один.

— Да ни на что! — пожимала плечами та.

Последовали бесконечные серии экспериментов; мыши простые и мыши летучие транслировались на орбиту Ве⁴⁹ и обратно; команда роботов совершала мгновенные перемещения сперва с Анарреса в Уррас, затем с Хайна на Ве⁵⁰ и, наконец, назад на Анаррес — всего двадцать два световых гóда. Но когда в конечном итоге⁵¹ сýдно «Шоби»⁵² с экипажем из десяти человек, переправленное на орбиту какой-то захудалой планеты в семнадцати световых годах от Ве⁵³, вернулось (слова, означающие передвижения в пространстве, мы употребляем здесь, естественно, в переносном смысле) лишь благодаря заранее продуманной процедуре погрузки, а жизнь астронавтов от своего рóда психической энтропии,

47 В оригинале «корнус». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

48 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

49 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

50 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

51 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

52 Упоминаются события фантастического рассказа из Хайнского цикла (Hainish) «История «Шобиков»» (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

53 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

необъяснимого сдвига реальности, «хаос-эффекта», спасло чистейшее чудо, мы все испытали шок. Эксперименты с высокоорганизованными формами материи снова завели нас в тупик.

— Какой-то сбой ритма, — предположила Гвонеш по ансибль-связи (аппарат на моём конце выдал нечто вроде «с собой пол-литра»). В памяти всплыли слова матери: «Событийный ряд не бывает без промежутков». А что она там добавила после? Что-то про имение возле воды. Но мне решительно следовало избегать воспоминаний об Удане. И я стремился выдавить их из своей памяти. Стоило мне расслабиться, как где-то в самой глубине моего тела, в мозге костей, если не глубже, вновь выкристаллизовывался давешний леденящий ёжик, и меня опять начинало колотить, как насмерть перепуганное животное.

Религия помогала укрепиться в сознании, что я всё же часть некоего Пути, а наука позволяла растворить позывы отчаяния в работе до упаду. Осторожно возобновлённые эксперименты шли пока с переменным успехом. Весь исследовательский персонал на Ве⁵⁴, как поветрием, охвачен был новой психофизической теорией некоего Далзула⁵⁵ с Терры, в нашем деле новичка. Весьма жаль, что я не успел познакомиться с ним лично. Как он и предсказывал, использование эффекта неразрывности поля позволяло ему в одиночку перемещаться без всяких неожиданных сюрпризов, сперва локально, затем с Ве⁵⁶ на Хайн. За сим последовал знаменитый скачок на Тадклу и обратно. Но уже из второго путешествия туда трое спутников Далзула вернулись без лидера. Он опочил в этом самом дальнем из известных миров. Нам в лабораториях отнюдь не казалось, что смерть Далзула каким-то образом связана с той самой психознтропией, которую мы официально называли «хаос-эффектом», но трое живых свидетелей подобной уверенности не разделяли.

— Возможно, Далзул был прав. Один человек за раз⁵⁷, — передала Гвонеш и снова стала проводить опыты на самой себе, как на «жертвенном агнце» (выражение, завезённое с Терры). Используя технологию неразрывности, она в четыре «скока» совершила вокруг Ве⁵⁸ угловатый виток, занявший ровно тридцать две секунды, необходимые исключительно на установку следующих координат. «Скоком» мы уже успели окрестить перемещение в реальном пространстве без сдвига по времени. Довольно легкомысленно⁵⁹, по-моему. Но учёные порой любят утрировать.

У нас на О по-прежнему были кое-какие нелады со стабильностью двойного поля, коими я и занялся вплотную сразу по прибытии в Ран'н. Назревал момент дать нашей аппаратуре опытную проверку — терпение

54 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

55 Персонаж фантастического рассказа из Хайнского цикла (Hainish) «Танцюя Ганам» (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

56 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

57 В оригинале забавно-неуместно слитно «зараз». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

58 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

59 В оригинале «лежомысленно». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

людское не беспредельно, да и жизнь сама чересчур коротка, чтобы вечно перетасовывать схемы. И в очередной беседе с Гвонеш по⁶⁰ ансамблю я запустил пробный шар:

— Пора бы уже и мне заскочить к вам на чашку чая. А затем сразу обратно. Я клятвенно заверил родителей, что непременно навещу их зимой.

Учёные порой любят маленько утрировать.

— А ты устранил уже ту морщинку в своём поле? — спросила Гвонеш — Ну,⁶¹ ту вроде двойной брючной складки?

— Всё отутюжено,⁶² аммар! — расшаркался я.

— Что ж,⁶³ отлично, — сказала Гвонеш, не страдавшая привычкой задавать один и тот же вопрос дважды. — Тогда заходи.

Итак — мы спешно синхронизировали наши усовершенствованные ансамбль поля для устойчивой чартен-связи.⁶⁴ Вот я стою в меловом круте,⁶⁵ нацарапанном на пластиковом полу Лаборатории чартен-поля в Ран'не, за окнами тусклый осенний полдень — а вот уже стою внутри мелового круга в лаборатории Чартен центра на Ве⁶⁶, за окнами полыхает летний закат, дистанция — четыре и две десятых светового года, время на переход — нуль.

— Как самочувствие? — поинтересовалась Гвонеш, встретив меня сердечным рукопожатием. — Молодец, отважный ты парень, Хидео, добро пожаловать на Ве⁶⁷!⁶⁸ Рады снова видеть тебя, дорогой. Отутюжено, говоришь, а?

Потрясённо⁶⁹ икнув, я машинально вручил ей заказанную пол-литру кедуна-49, которую всего лишь миг назад прихватил с собой в «дорогу» с лабораторного стола на Ве⁷⁰.

Я предполагал, если только вообще доберусь, немедленно чартен-нуть обратно, но Гвонеш и остальные задержали меня для теоретических дискуссии и всесторонней проверки чартен-связи⁷¹. Теперь-то⁷² я уже ничуть не сомневаюсь, что сверхъестественное чутьё, которым всегда отличалась Гвонеш,⁷³ шептало ей что-то⁷⁴ на ухо, её всё ещё продолжали тревожить морщинки и складки на брюках Тьекунана Хидео.

60 В оригинале неуместно «но». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

61 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

62 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

63 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

64 В оригинале «чартен связи» раздельно, без дефиса, а следом без двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

65 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

66 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

67 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

68 В оригинале апостроф после восклицательного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

69 В оригинале «Потрясено» с одним «н». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

70 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

71 См. 64. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

72 В оригинале «Теперь то» раздельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

73 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

74 В оригинале «что то» раздельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Как-то это... *неэстетично*,⁷⁵ — заметила она.

— Однако же *работает*, — возразил я.

— *Сработало*, — уточнила Гвонеш.

За исключением желания доказать дееспособность своего поля, я не имел особой охоты немедленно возвращаться на О. Спалось мне лучше на Ве⁷⁶, куда как лучше, однако казённая пища оставалась безвкусной и здесь, а когда я не был занят делом, меня по-прежнему⁷⁷ угнетали страхи — неотвязное воспоминание о той кошмарной ночи, за время которой я пролил так много слёз без причины. Но работа продвигалась на всех парáх.

— Как у тебя с сексом, Хидео?⁷⁸ — спросила Гвонеш однажды, когда мы остались в лаборатории одни: я — развлекаясь с очередными колонками цифр, она — дожёвывая очередной бутерброд из буфетной упаковки.

Вопрос застал меня абсолютно врасплох. Я прекрасно понимал, что звучит он нахально только в силу свойственной Гвонеш привычки всегда резать правду-матку⁷⁹. Но ведь она никогда ещё не спрашивала у меня ни о чём подобном. Её собственная личная жизнь, как и она сама, всегда оставались для нас тайной за семью печатями. Даже слово «секс» никто и никогда от неё не слышал, не говоря ужé о том, чтобы осмелиться предложить ей развлечение подобною рóда.

Заметив мою отвисшую челюсть, Гвонеш прожевав кусок, добила меня:

— В смысле, *как часто*?

Я *икнул*. Понимая ужé, что вопрос Гвонеш отнюдь не предложение завалиться с ней в койку, скорее просто некий особый интерес к моему житью-бытью⁸⁰, я всё равно не находился с ответом.

— По-моему⁸¹, в твоей жизни образовалась какая-то⁸² *морщинка*. Вроде лишней складки на брюках, — заметила Гвонеш. — Извини. Сую нос не в своё дело.

Желая уверить её, что ничуть не обиделся,⁸³ я выдавил из себя принятый на О церемонный оборот:

— Чту ваши благие намерения, аммар.

Гвонеш уставилась на меня в упор, что случалось крайне редко, — пристальный взгляд серых глаз на вытянутом костистом лице, чуть смягчавшемся к подбородку.

— Может, тебе порá вернуться на О? — спросила она.

---

75 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

76 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

77 В оригинале «но прежнему», к тому же отдельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

78 В оригинале восклицательный знак вместо вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

79 В оригинале «правду матку» отдельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

80 В оригинале «житью бытью» отдельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

81 В оригинале «По моему» отдельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

82 В оригинале «какая то» отдельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

83 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Не знаю. Здесь тоже вроде бы ничего...

Гвонеш кивнула. Она никогда никого⁸⁴ ни о чём не переспрашивала.

— Ты уже прочёл доклад Харравена? — Темы она меняла с той же быстротой и безапелляционностью⁸⁵, как и моя мать.

Ладно, думал я, вызов брошен. Гвонеш созрела для очередной проверки моего поля. Почему бы и нет? В конце концов, я ведь буквально за минуту могу смотаться в Ран'н и вернуться обратно, если, конечно, захочу возвращаться, а лаборатория потянет расходы. Хотя чартнинг, подобно ансамбль-связи⁸⁶, и работает в основном за счёт инертной массы, однако установка ПВК-координат⁸⁷, очистка камер и поддержание поля в стабильном состоянии требовали колоссальных затрат местной энергии. Но ведь это предложение самый Гвонеш, стало быть, денежки у нас пока не перевелись. И я решился:

— Как насчёт скачка туда и обратно?

— Замётано, — сказала Гвонеш. — Завтра.

Итак — на другой день, свежим осенним утречком я стою в меловом круге в лаборатории чартена на Ве⁸⁸, одна нога здесь,⁸⁹ а другая...

...⁹⁰ мерцание, радужные круги в глазах, толчок — сердечный спазм — сбой вселенского такта...

...⁹¹ в темноте. *Темнота.* Тёмное помещение. Лаборатория? Да, лаборатория — нащупав световую панель, я машинально щёлкнул выключателем. В потёмках был уверен, что по-прежнему нахожусь на Ве⁹². При свете понял — это не так. Я не знал, что это. Не знал, где я. Всё вокруг вроде бы знакомо, и всё же... всё же... Может, биолaborатория? Образцы в банках, обшарпанный электронный микроскоп, на краю помятого медного кожуха товарный знак в форме лиры... Стало быть, я всё-таки на О. В какой-то лаборатории одного из зданий Научного центра в Ран'не? Пахло, как обычно пахнет зимней ночью во всех старых зданиях Ран'на, — дождём и сыростью. Но как мог я промахнуться мимо приёмного контура, тщательно прорисованного мелом на полу лаборатории в Тауэр-Холле? Должно быть, сдвинулось само поле. Пугающая, невозможная мысль.

84 В оригинале «никою». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

85 В оригинале великогомучее «безапелляционностью». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

86 В оригинале «ансимбл связи» раздельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

87 В оригинале «ПВК координат» раздельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

88 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

89 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

90 В оригинале лишний пример ошибки OCR в виде открывающей скобки вместо троеточия (см. 5). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

91 В оригинале лишний пример ошибки OCR в виде открывающей скобки вместо троеточия (см. 5). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

92 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я был обеспокоен, ощущал сильное головокружение, как если бы моё тело действительно перенесло некий мощный толчок, — но *не испуган*. Сам вроде бы в порядке, все части на месте, рѹки-но́ги целы и голова тоже пока на плечах. *Небольшой пространственный сдвиг?* — подсказывал мозг.

Я вышел в коридор. Может быть, я сам, утратив ориентацию, выбрался из Чартен-лаборатории, а очухался уже в каком-то другом месте? Но куда смотрел мой доблестный экипаж? Ведь они все были на вахте. К тому же с тех пор прошло, должно быть, немало времени — предполагалось, что я прибуду на О сразу после полудня. *Небольшой темпоральный сдвиг?* — продолжал выдавать свои гипотезы мозг. Я двинулся по коридору в поисках Чартен-лаборатории, и это было точно как в тех мучительных снах, когда ты лихорадочно ищешь совершенно необходимую тебе дверь, но никак не можешь её отыскать. В точности как во сне. Здание оказалось давно знакомым — Тауэр-Холл, второй этаж, — но никаких следов нужной мне лаборатории. На дверях —⁹³ таблички биологов да биофизиков и повсюду заперто. Похоже на глубокую ночь. Вокруг ни душѹ. Наконец, заметив под дверью свет, я постучал и открыл: внутри усердно таращилась на библиотечный терминал юная студентка.

— Простите за беспокойство, — обратился я к ней, — не подскажете, куда дедалась лаборатория чартен-по́ля?

— Какая-какая⁹⁴ лаборатория?

Девушка никогда о *такой* не слыхала и растерянно пожала плечами.

— Увы, я не физик, учусь пока только на биофаке, — молвила она смущѹнно.

Я снова извинился. Меня начинало поколачивать, как в лихорадке, усилилось и головокружение. Уж не затронул ли и меня пресловутый «хаос-эффект», пережитый экипажами «Шоби» и, предположительно, «Гальбы»? Неужели и мне предстоит теперь видеть звѣзды сквозь стѣны или, к примеру, бросив взгляд через плечо, обнаруживать Гвонеш на О.

Я справился у студентки, *какой час*.

— Предполагалось, что я *окажусь* здесь в *полдень*, — зачем-то пояснил я.

— *Без пяти час*, — ответила девушка, бросая взгляд на *терминал*. Машинально я повернулся туда же. Табло высвечивало *время, декаду, месяц и год*.

— Ваши часы *врут*, — сказал я.

Девушка *встревожилась*.

— Год установлен неправильно, — пояснил я. — *Дата*. Она должна быть *совсем другой*.

93 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

94 В оригинале «Какая, какая» через запятую и пробел вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но ровное холодное свечение цифр на электронном табло, округлившиеся глаза собеседницы, биение моего собственного сердца, запах влажной листвы — всё, всё подсказывало мне: *часы не врут*, теперь именно час пополуночи дня, месяца и года, минувших восемнадцать лет тому назад, и я нахожусь здесь и теперь, на другой день после того дня, упомянув о котором в начале повести я употребил слова *«однажды, давным-давно...»*

А темпоральный сдвиг-то посерьёзнее, чем казалось, — возобновил свою активность мозг.

— Мне срочно нужно назад, — сказал я, поворачиваясь, чтобы бежать туда, где грезилось спасение, — в шестую биологическую лабораторию, ту самую, в которой спустя восемнадцать лет биологии предстояло уступить место чартену. Слово бы надеясь ещё застать там следы чартен-поля, возбуждаемого всего лишь на четыре наносекунды.

Сообразив, что с *чудаковатым пришельцем* явно не всё в порядке, девушка удержала меня, заставила присесть и силком вручила чашку чая из домашнего термоса.

— Вы из каких мест? — спросил я любезную хозяйку.

— Из поместья Хердуд, деревня Деада, южные пределы бассейна Садуун, — ответила она.

— А я родом с низовьев, — сообщил я. — Удан из Дердан'нада, может, слышали? — У меня вдруг потекло из глаз. Не без труда совладав с собой, я опять извинился, допил свой чай и перевернул чашку вверх дном. Девушку не слишком обеспокоила моя слезливость. Студенты сами народ эмоциональный — то радость, то слёзы, то спад, то подъём. Зато она — сама учтивость — вежливо поинтересовалась, *найдётся ли у меня,⁹⁵ где переночевать*. Кивнув, я поблагодарил её и откланялся.

Я не стал возвращаться в лабораторию номер шесть. Выбравшись на воздух, я двинулся «огородами» к своим апартаментам в Новом Квартале. На ходу снова заработал мозг — вскоре в голову стукнуло, что *в этой квартире теперь/тогда может/мог кто-нибудь проживать*.

Малость промешкав, я сменил курс на Храмовый Квартал, где провёл лучшие годы своей студенческой жизни до отлёта на Хайн. Если всё правда, если часы не врут и сегодня второй день после моего отъезда, то комната должна стоять пустой и незапертой. Так оно и вышло, всё осталось, как я бросил перед самым отъездом — голые стены, продавленный матрас, битком набитый мусоросборник.

Именно в тот миг я и испытал *самое неприятное чувство*. Я долго таращился на мусорник, прежде чем извлечь из него смятую, но довольно свежую на вид распечатку. Ещё дольше разглаживал её на столе. Это оказались *темпоральные уравнения* — мои собственные каракули,

наброшенные на стареньком карманном мониторе во время лекции *Седхарада* по Теории Интервала в последний день моего заключительного семестра в Ран'не, то есть — *позавчера, восемнадцать лет тому назад*.

Вот когда я действительно пережил потрясение. Ты угодил в *энтропийное хаос-поле*, подсказывал мозг, и я верил ему. Страх, отчаяние буквально захлестнули меня, и ничего ведь не поделаешь до наступления далёкою утра. Я плюхнулся на голый матрас, настроенный на встречу со звёздами, прожигающими стёны и мои веки, стоит лишь их сомкнуть. Вчерне прикидывая, что делать мне завтра, если оно, это завтра, всё же наступит, я вдруг провалился в сон, мгновенно, спал как убитый едва ли не до полудня, а когда пробудился на голой койке в знакомой комнате, был голоден и зол, зато ни на миг не усомнился, где я и что со мной.

Спускаясь в кампус позавтракать, я озирался из опаски столкнуться с кем-либо из коллег — то есть, о Боже, *сокурсников!* — который мог бы ошарашено воскликнуть: «Хидео! Какого чёрта ты здесь? Мы ведь только вчера проводили тебя до “Ступеней Дарранды”!»

Оставалась слабая надежда, что меня всё же не узнают — я стал старше, сильно исхудал, малость подрастерял былой шарм, — но меня с головой выдавали мои полутерранские черты, материнское наследство. Не хотелось ни с кем встречаться, что-то лепетать в своё оправдание. Я мечтал убраться из Ран'на как можно скорее. Я хотел уехать домой.

Наш мир, планета О, — идеальное место для путешествий во времени. Никаких тебе перемен. Наши поездá на солнечной энергии веками курсируют по одному и тому же графику. В магазинах мы подписываем квитанции, которые включаются в товарный обмен или в ежемесячные банковские расчёты, так что мне вовсе не пришлось предъявлять станционному кассиру загадочные монеты из будущего. Черканув на корешке имя и адрес, я получил свой билет и вскоре уже катил по направлению к дельте Садуун.

За окнами бесшумной фотоэлектрички замелькали поля и холмы сперва Южного бассейна, затем Северо-Западного, оба петляли вдоль плавных излучин великой Садуун. Увы, поезд мой тормозил едва ли не у каждого столба, и на перрон полустанка Дердан'над я выбрался только под вечер. Хотя в воздухе уже запахло весной, перрон покрывала липкая зимняя грязь, не пыль.

Я вышел на дорожку к Удану. Распахнув придорожную калитку, которую сам же перевешивал несколько дней/восемнадцать лет тому назад, и удостоверившись, что пётли всё ещё новые и крутятся без скрипа, я испытал приятное⁹⁶ чувство. *Ямсусыни* всё как одна сидели на яйцах. Судя по их линиям бокам, вялым покачиваниям долгих шей⁹⁷ и настороженным взглядам в мой адрес, новые выводки ожидались со дня на день. Над холмами нависли тяжёлые тучи. По горбату мостику я пересёк говорливую Оро. Несколько крупных голубых рыбин сбились в стайку под одной из опор; я

96 В оригинале «приятное» без «н». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

97 В оригинале «шей». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

невольно приостановился — *вот бы острогу сейчас...* Начинало моросить, и я поспешил дальше. Крупные капли студили мне лицо. За поворотом дороги открылся сам дом — тёмные широкие кровли у подножья увенчанною лесом холма. Миновав коллектор и ирригационный контроль, пройдя по-зимнему голой аллеей, я поднялся в портик, и вот я уже у дверей, у широких дверей родного Удана. Я *пришёл*.

Через просторный холл бодро семенила Тубду — вовсе не та, которую я запомнил шестидесятитрёхлетней, сморщенной, убеждённой сединой, дряхлой старушонкой, — но Тубду прежняя, Большая Щекотка, Тубду в полном соку, пышная, смугло-румяная, проворная. Заметив меня, она сперва не признала, не поверила своим глазам: «Хидео! Откуда?» — затем в полном и окончательном замешательстве: «Хидео, ты? Здесь? Быть того не может!»

— Омбу, — воскликнул я, без труда припомнив наше детское ласковое прозвище для соматери, — Омбу, это я, твой Хидео, — не волнуйся! Всё в порядке, я вернулся! — Крепко обняв её, я прижался щекой к щеке.

— Но, но ведь... — Тубду отстранилась, всмотрелась в моё лицо. — Но что стряслось с тобою, мой мальчик, дорогóй мой? — Обернувшись назад, она заголосила во всю мочь своих здоровых лёгких: — Исако! Исако!

Мать, увидев меня, естественно, решила, что я не сел на борт корабля, что в последний момент мне отказали мужество и решительность — так подсказывало её первое же порывистое объятие. Неужели сын действительно отказался от судьбы, ради которой собирался пожертвовать всем и вся? — о, я хорошо знал, *что* творится сейчас у матери в голове и на сердце. Прижавшись щекой к её щеке, я шепнул:

— Я уезжал, мама, но я вернулся. Мне уже тридцать один год. Я *вернулся*, мама...

Она отстранилась от меня, как Тубду перед тем, и вгляделась в лицо.

— О, Хидео! — простонала она и прижалась ко мне с новой силой. — Дорогóй, дорогóй мой!

Мы держали друг друга в объятиях и молчали, пока я не вымолвил:

— Прости, ма, мне необходимо повидаться с Исидри.

Мать вопросительно вскинула взгляд, но никаких вопросов задавать не стала.

— Ты найдёшь её в часовне, сынок.

— Ждите, я скоро вернусь.

Оставив обеих матерей бок о бок, я поспешил к центру дома, главной и старейшей его части, семь веков назад перестроенной на трёхтысячелетнем фундаменте, стены из камня и глины, купол толстого резного стекла. Здесь всегда царили тишина и прохлада. Сотни книжных полок, Дискуссии, дискуссии о Дискуссиях, поэзия, бесчисленные версии классических Пьес; здесь же находились барабаны и шепталки для медитаций и иных ритуалов; в

центре располагался небольшой округлый бассейн, наполняемый родниковой водой из древних глиняных труб — собственно, он-то и являлся храмом. Здесь я и отыскал Исидри. Стоя на коленках на краю отражавшей прозрачный купол водной святыни, она поправляла свежие цветы в огромной вазе.

Приблизившись, я тихо сказал:

— Исидри, я вернулся. Послушай...

Она обратила ко мне распахнутые, ошеломлённые, незащитные глаза на своём тонком⁹⁸, изящном личике, лице девушки двадцати двух лет, и — застыла.

— Послушай, Исидри, я уже съездил на Хайн, я там учился, затем работал, трудился в совершенно новой области темпоральной физики, над новой⁹⁹ теорией трансляции — поверь мне, я провёл там целых десять лет. Затем мы перешли к экспериментам. Используя нашу новую технологию, я перепрыгнул с Ран'на на Хайн за одно мгновение, даже быстрее, можешь мне верить — за нулевое время, в самом буквальном смысле. Это вроде ансибля — не со скоростью света, не быстрее её, а именно мгновенно. В двух разных местах одновременно, понимаешь? И всё шло хорошо, всё прекрасно работало, но при возвращении... при моём возвращении получилась складка, какой-то сгиб, морщинка в приёмном поле. Я оказался в нужном месте, но в другое время. Я вернулся в прошлое на восемнадцать ваших лет или десять своих. Вернулся точно в день после отъезда, но только я никуда вчера не уезжал, я просто вернулся, я вернулся к тебе, Исидри.

Опустившись, как и она, на колени у края тихого зеркального Грааля, я крепко взял её за руки. Взгляд Исидри метался по моему лицу, она безмолвствовала. На левой её щеке я разглядел крохотную свежую ссадинку — должно быть, поцарапалась в кустах, составляя букет для часовни.

— Позволь мне вернуться к тебе, — прошептал я.

Исидри нежно провела ладонью по моему лицу.

— Ты выглядишь таким усталым, — сказала она — Хидео... А ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, — ответил я. — Разумеется. Я в полном порядке.

Собственно, на этом моя история, вернее, та её часть, что может представлять интерес для Экумены и для специалистов по проблеме трансляции, подходит к концу. Последние восемнадцать лет я живу как фермер, хозяин поместья Удан из деревни Дердан'над в холмах Северо¹⁰⁰-Западной части бассейна Садуун, материк Окет, планета О. Мне уже скоро пятьдесят. Я Вечерний муж Утренней нары Второго уданского

98 В оригинале забавно неуместное «топком». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

99 В оригинале забавно неуместное «повой». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

100 В оригинале «Севсро». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

седорету, моей женой стала Исидри; Ночной марьяж у меня с Соту из Дрехе, Вечерней женой которой является моя сестрёнка Конеко.¹⁰¹ У меня двое Утренних детей от брака с Исидри — *Матубду* и *Тадри*; Вечерних детей нашего седорету зовут *Мурми* и *Мисако*. Но всё это вряд ли представляет какой-либо интерес для Стабилей Экумены.

Мать моя, которая всё ещё кумекает кое-что в темпоральной механике, выслушав мою историю, приняла её без дальнейших расспросов; так же и Исидри. Зато большинство остальных односельчан избрали для себя объяснение попроще и куда как правдоподобнее, тоже прекрасно всё объясняющее — даже внезапное моё похудание и взросление. Мол, в самый последний момент, буквально перед вылетом, Хидео раздумал учиться в Экуменической школе. Он вернулся в Удан, потому что не мыслил себе жизни без Исидри, так он её обожал. От этого же и захворал — столь тяжким оказался выбор между его мечтой и беспримерной любовью.

Возможно, всё это тоже правда. Но Исидри с Исако предпочли более странную версию.

Позднее, когда мы уже сформировали наш седорету, Сота тоже спрашивал меня о моей истории. «*Ты сильно переменился, Хидео, хотя по-прежнему тот, кого я всегда любил*», — заметил он. Я объяснил почему, растолковал ему всё, как умел. Ошеломлённый Сота выразил уверенность, что *Конекко легче, нежели он, переварит всю эту чертовщину*, — и действительно: выслушав меня с гримаской озадаченности на своём миленьком личике, сестрёнка подбросила мне несколько вопросов, что называется, *на засыпку*. Ответ на один из них я ищущу до сих пор.

Я предпринимал как-то раз попытку отправить сообщение на факультет темпоральной физики в Экуменической школе на Хайне. Мне не удалось провести дома в спокойствии и нескольких дней, как мать, с её обострённым чувством ответственности и долга перед Экуменой, строго потребовала, чтобы я сделал это.¹⁰²

— Мама, — взмолился я, — ну что, *что* я могу им сказать? Никто из них ещё и не слыхивал о теории чартена!

— Извинись за то, что не прибыл вовремя на учёбу, как это было запланировано. Адресуй своё объяснение директору, этой *анаррести*. Она женщина мудрая, всё поймёт.

— Даже сама Гвонеш ещё не подозревает о чартен¹⁰³-теории. Ей сообщает это по ансиблю с Урраса и Анарреса только через добрых три года. К тому же я познакомился с Гвонеш лично далеко не сразу по приезде, лишь несколько лет спустя. — Использование прошедшего времени в подобных объяснениях зачастую оказывалось делом неизбежным, но *звучало дико*; возможно, здесь всё же уместнее употребить будущее — «*познакомлюсь с нею лишь через несколько лет*».

101 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

102 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

103 В оригинале «чартеп». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Или я всё же находился теперь и *там*, на Хайне? Меня чрезвычайно беспокоила парадоксальная идея о моём одновременном существовании на двух разных концах Вселенной. Авторство идеи, разумеется, за малышкой Конекко — это и был один из её каверзных вопросиков. Неважно, что все известные мне законы темпоральной физики отвергали подобный парадокс — я всё равно никак не мог отделаться от ощущения, что *другой я живёт сейчас на Хайне* и спустя восемнадцать лет собирается вернуться в Удан, где встретит себя же, то есть меня. В конце концов, моё настоящее существование тоже ведь невозможно.

Вскоре я научился вытеснять эти изводившие меня мысли иной фантазией, воображал себе водяные завитки в речной зыби под двумя валунами, что чуть выше нашей купальной затоки на Оро. Я научился видеть внутренним взором формирование и тихую смерть этих маленьких водных вихрей, а не то мог пойти на берег Оро, присесть там и всласть полюбоваться ими воочию. Они, казалось, содержали в себе ответ на мои мучительные вопросы и растворяли его в воде, как нескончаемо растворялись в ней сами.

Но чувство долга моей матери такими пустяками, как невозможность пространственного раздвоения личности, отнюдь не поколебать.

— Ты просто *обязан сообщить*, — постановила она.

Мать была права. Если уж моё двойное трансляционное поле привело к столь долговременным результатам, то это не только моё личное дело, а вопрос особой важности для всей темпоральной физики. И я *попытался*. Позаимствовав необходимую сумму наличностью из фондов поместья, я отправился в Ран'н, оплатил ансиглеграмму¹⁰⁴ на пять тысяч слов и отправил своему ректору в Экуменической школе сообщение, в котором объяснял, почему, будучи зачислен на курс, я не приехал — если, конечно, я и на самом деле там не появился.

Полагаю, это и стало тем самым «*посланием-всмятку*» или «*весточкой от призрака*», которое меня просили расшифровать в первый год по приезде на Хайн. Часть его была чистой тарабарщиной, некоторые слова, вероятно, попали в текст из другого, почти одновременного с ним сообщения, но ведь были в нём и обрывки моего имени, а также фрагменты и перевёртыши других слов из моей бесконечной объяснительной: *проблема, чартен, вернуться, прибыл, время*.

Небезынтересно, полагаю, и то, что приёмщики ансигль-центра на Хайне, объясняя причины темпоральных искажений при передаче информации, употребляли словечко «*складка*». Любопытное совпадение со словами Гвонеш по поводу «*морищинок*» в моём двойном чартен-поле, не правда ли? На самом-то деле ансигль-поле столкнулось не со складками, а с *резонансным сопротивлением*, вызванным десятилетней аномалией чартен-поля и превратившим моё длинное послание почти что в труху (приведённую несколько выше). С такой точки зрения,

104 В оригинале малопригодное «ансигло-грамму» (см. 18, 24, 26, 27, 28, 29, 36, 105, 106). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

особенно если учесть Двойное Поле Тьекунан'на, моё существование на О, когда я посылал ансиблеграмму¹⁰⁵, определённо дублируется моим же существованием на Хайне. Ведь, отправив сообщение, я же его одновременно и получил. И всё же, пока продолжает длиться моя аномальная инкапсуляция в прошлое, суть подобной одновременности сводится буквально к точке, мигу, скрещению — без дальнейшей причастности к этому как ансибль, так и чартен-полей.

Иллюстрацией для чартен-поля в этом случае могла бы послужить воображаемая река, петляющая по заливным лугам, змеящаяся столь прихотливо, что её колени постоянно сближаются, почти что смыкаются, пока наконец вода не прорвёт тонкую перемычку и не побежит напрямую, оставив целый речной виток (или плес) в стороне, отрезанным от потока, как некое странное озеро в форме бублика, водоём без движения. Согласно такой аналогии, моя ансиблеграмма¹⁰⁶ могла служить единственной связующей нитью между потоком и озером — если не считать моих воспоминаний.

Лично мне всё же более точной представляется аналогия с водоворотами в самом потоке, исчезающими и повторяющимися — те же самые они? Или другие?

В первые годы после женитьбы, пока физика в моей голове ещё окончательно не заглохла, я успел поработать над математическим аппаратом своей теории (см. *«Заметки по теории резонансной интерференции двойных ансибль и чартен-полей»*, прилагаемые к настоящему докладу). Прекрасно понимаю, что все эти формулы, может статься, придутся не ко двору, так как в нашем речном потоке не существует теории двойного поля имени Тьекунан'на Хидео. Тем не менее,¹⁰⁷ независимое исследование на неожиданном направлении определённо может сослужить хоть какую-то службу. Я дорожу им — ведь это последнее моё детище в области темпоральной физики, заключительная лепта на алтарь науки. Мне бы следовало продолжать работу над теорией чартена с большей настойчивостью, но ведь жизнь на ферме крутится в основном вокруг виноградников, дренажных канав, птичника, требуют воспитания и заботы детишки, немало времени отнимают Дискуссии, а также мои настойчивые попытки научиться ловить рыбу голыми руками.

Трудясь над текстом упомянутого приложения, с помощью убедительнейших математических выкладок я сумел доказать самому себе, что тот вариант моего существования, в котором я отбыл на Хайн, чтобы стать там физиком-теоретиком и специалистом по трансляции, фактически стёрт (выглажен, если позволите) чартен-эффектом. Но никакое количество формул не могло полностью унять мою тревогу, мой страх, который резко усилился после женитьбы и рождения наших детей, — страх, что *впереди маячит точка скрещения*. Никакими аналогиями с речными водоворотами я не мог убедить себя в том, что моя инкапсуляция в прошлое не может стать

105 В оригинале вдруг вообще «ансиблаграмму» (см. 18, 24, 26, 27, 28, 29, 36, 104, 106). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

106 В оригинале малопригодное «ансиблограмма» (см. 18, 24, 26, 27, 28, 29, 36, 104, 105). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

107 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

обратимой в тот момент, когда наступит неуклонно надвигавшийся день чартен-перехода. Казалось вполне возможным, что в этот роковой день, когда я совершу/совершил свой скачок с Ве¹⁰⁸ на О, может погибнуть, исчезнуть, изгладиться моя семья, мои дети, вся моя жизнь в Удане — всё, как смятый листок, полетит в корзинку. Я был в ужасе от собственных мыслей.

И я поделился своей тревогой с Исидри, от которой не имел никаких секретов — кроме разве что единственного, о котором чуть позже.

— Нет, — решила она, как следует поразмыслив. — Не думаю, что *такое* возможно. Ведь была причина, разве ж нет, для твоего возвращения. Возвращения *сюда*.

— Ты, — кивнул я.

Исидри непередаваемо улыбнулась.

— Да, — согласилась она. И после паузы добавила: — А также Сота и Конеко, и всё поместье... А возвращаться *туда* у тебя особых причин нет, не так ли?

Исидри баюкала па руках нашу младшенькую, прижимаясь щекой к её крохотной и пушистенькой макушке.

— Ну, разве что, кроме работы, — неуверенно ответила она самой себе. И перевела взгляд на меня. Её искренность требовала и моей равной честности.

— Иногда я действительно скучаю по ней, — сказал я. — И я знаю это. Но ведь я не знал *тогда*, прежде, когда был *там*, что тоскую именно по тебе. Буквально помирал, но не знал. Мог бы так и помереть, Исидри, ни на йоту не разобравшись в самом себе. В любом случае там всё было неправильно, вся эта научная галиматья.

— Как это твоя работа могла быть *неправильной*, если привела тебя ко мне? — возразила она, и я не нашел,¹⁰⁹ что ответить.

Когда начали публиковать информацию о теории чартена, я подписался на всё, что только могла получать Центральная библиотека на О, в первую очередь на бюллетени Экуменической школы и Чартен-центра на Ве¹¹⁰. Исследования, в точности как и в другом моём варианте, продвигались без задержки первые три года, затем начались проблемы. Но никаких упоминаний о Тьекунан'не Хидео я не встречал. Никто не занялся стабилизацией двойных полей. Никем не открывалась лаборатория чартен-поля в Ран'не.¹¹¹

---

108 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

109 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

110 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

111 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Наконец наступила зима моего визита домой, затем *тот самый день*. И, вынужден признать, вопреки всем и всяким резонам *денёк выдался прескверный*. Я чувствовал какие-то приливы не то вины, не то сиротства. Меня даже трясло при мысли об Удане из того посещения, когда Исидри была в браке с Хедраном, а я — случайным гостем в поместье.

Хедран, почтенный странствующий проповедник и Мастер Дискуссий, и в этом варианте несколько раз посещал нашу деревню. Исидри как-то предложила пригласить его погостить в Удане, но я категорически воспротивился этому, пояснив, что, *хотя он и великолепный учитель, что-то в нём мне всё же не нравится*. Я уловил странный блеск в глазах жены — «*Он что, ревнует?*» — она подавила улыбку. Когда я рассказывал ей и матери о своей «другой жизни», единственное, о чём я тогда не упомянул, что утаил, и утаил навсегда, оставался как раз мой приезд в Удан. Я не хотел рассказывать матери, что в той «другой жизни» она перенесла тяжкое заболевание. Не хотел рассказывать и Сидри о её бесплодном браке с Хедраном. Может, я был и не прав. Но мне тогда определённо казалось, что не имею я права открывать такое, негоже это и незачем.

Так что Исидри не могла знать, *что* на самом деле я чувствовал не столько ревность, сколько *вину* перед ней. И схоронил её в себе поглубже. Зато мне всё же удалось убрать Хедрана из нашей жизни, и Исидри, моя возлюбленная, моё счастье, моё дыхание, сама моя жизнь — осталась безраздельно моей.

Или же мне следовало уступить жену? Разделить её с проповедником? До сих пор теряюсь в догадках.

День тот прошёл, как и любой другой, — правда, дочка Сууди, грохнувшись с дерева, сильно расшибла себе локоть. «*Наконец-то выяснилось, что тебе не суждено утонуть*», — прокомментировала Тубду с болезненным придыханием.

Следующей наступила дата той грустной ночи в моей квартире в Новом Квартале, когда я рыдал и не понимал отчего. А затем и день моего возвращения, перехода на Ве¹¹² с бутылкой вина от Исидри в подарок Гвонеш. И, наконец, вчера настал день, когда я, войдя в чартен-поле на Ве¹¹³, вышел из него на О восемнадцать лет назад. Я провёл ночь, как порой поступаю теперь, в святилище. Часы проходили в полном покое: я писал, затем причастился, занялся медитацией и уснул. И проснулся у кромки безмолвной воды.

И совсем ужé наконец: надеюсь, Стабили всё же примут рапорт от неведомого фермера, а техникам чартен-трансляции удастся пробежать глазами мои расчёты. Мне нечем подтвердить подлинность здесь рассказанного, кроме собственного честного слова да нетипичной для

---

112 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

113 См. 2. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

провинциала осведомлённости в теории чартена. Досточтимой Гвонеш, которая не знает, кто я такой, шлю почтительный поклон, искреннюю благодарность и надежду, что она сочтёт мои намерения достойными.

XX © Урсула Кроубер Ле Гуин

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

Hainish

«Ещё одна история, или рыбак из Внутриморья»
© Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	31.03.2018
Время редактирования:	04:16:23
Количество сохранений:	234

Общее количество страниц:	46
Общее количество абзацев:	438
Общее количество слов:	17190
Общее количество символов:	111689

Copyright © XX by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 31.03.2018 by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Hainish